

Елизавета Дворецкая

Цикл «Огнедева». Книга вторая

Аскольдова невеста

Огнедева

Елизавета Дворецкая

Огнедева. Аскольдова невеста

«Автор»

2015

Дворецкая Е. А.

Огнедева. Аскольдова невеста / Е. А. Дворецкая — «Автор»,
2015 — (Огнедева)

ISBN 978-6-17-126239-3

IX век. Древняя Русь. Уезжая из родного дома, рыжеволосая красавица Дивляна, просватанная за князя Аскольда, боялась даже представить, что ждет ее в долгом пути от Ладоги до Киева. Спасая Дивлянину от посягательств князя кривичей Станислава, ее брат Велем нашел другую девушку, рабыню, и подсунул ее Станиславу под видом своей сестры. И так запутал дело, что никому уже не под силу отличить настоящую княжескую невесту от поддельной...

ISBN 978-6-17-126239-3

© Дворецкая Е. А., 2015

© Автор, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	19
Глава 3	30
Глава 4	39
Глава 5	53
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Елизавета Дворецкая

Аскольдова невеста

© Елизавета Дворецкая, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

890 год, осень

Глава 1

Дивляна вышла на опушку, глянула вперед... и вдруг вскрикнула от испуга, невольно шагнула назад, лихорадочно цепляясь за мокрые ветки, чтобы не упасть. Потрясенная, она не могла оторвать взгляд от неожиданного зрелища – и не верила своим глазам.

За рощей, из которой она вышла, на берегу безвестной мелкой речки, лежала довольно широкая луговина. На луговине вытянулись две длинные насыпи – шагов по сорок каждая, с неровными склонами и разбросанными по всей поверхности серыми валунами. Еще сквозь ветки, подходя, Дивляна заметила, что вся луговина усеяна большими белыми пятнами. И теперь поняла, что это не просто пятна – это дети. На мокрой траве покатых склонов тут и там лежали маленькие фигурки – малыши и подростки, лет от трех до пятнадцати, общим числом голов двадцать. Одеты только в белые рубашки, они напоминали стаю лебедей с лебедятами, присевших отдохнуть... заснувших... подстреленных!

Никто не шевелился, и поначалу Дивляне, оцепеневшей от ужаса, показалось, что все они мертвы. Понимая, что надо бы бежать отсюда со всех ног, она, будто против воли, под воздействием невидимой внешней силы, сделала один шаг по влажной траве, потом другой, выпустив из пальцев спасительные ветки опушки...

Вечер накануне выдался ненастным и сырым – и не скажешь, что лишь середина серпена-месяца. Моросил дождь, ветер дул навстречу, гнал волну, так что гребцы, ведшие лодыи вверх по Ловати, быстро выбивались из сил. Поэтому воевода Белотур велел пристать к берегу необычайно рано, задолго до сумерек, справедливо рассудив, что в такую мокредь на разведение огня и приготовление пищи потребуется больше времени, – да и одежду подсушить, чтобы не ложиться в мокром, тоже будет неплохо.

Завидев удобную отмель, пристали, вытащили лодыи¹. Дивляна в душе радовалась этой остановке – чем ближе были земли чужих неведомых племен, тем тревожнее ей становилось.

До этого они дней двенадцать или пятнадцать пробирались вверх по Ловати – длинной извилистой реке, впадающей в Ильмерь-озеро и ведущей на полудень. Для волховских словен, к которым принадлежала Дивляна, ее брат Велемысл и его ладожская дружина, на полуденном берегу Ильмеря белый свет кончался. Когда же вышли в Ловать, поначалу ничего особенного Дивляна не примечала. Те же были люди, те же веси над рекой, те же избы, сжатые поля, где сейчас после недавних Дожинок виднелись по краям «Велесовы бороны» — последние снопы, украшенные косичками из колосьев, засохшими цветочными венками, окруженные девятью камнями, запирающими плодородную силу земли. С проплывающей неспешно лодыи Дивляна видела, как косят в поймах отаву, как бабы возятся в огородах. Кое-где уже начали дергать лен. Все, как дома, и даже могильные насыпи – сопки – на Ловати еще были те же, что и на берегах Волхова-батюшки. Люди, которых ладожская дружина встречала, останавливаясь на ночлег или на отдых в полдень, ничем не отличались от волховских и ильмерских словен – ни одеждой, ни выговором. Берега Ильмерь-озера во многом заселялись отсюда, поэтому иные здешние роды еще помнили свое родство с теми, кто укоренился на Ильмере и дальше на Волхове.

Многие здесь знали, хоть и понаслышке, ладожского воеводу Домагостя Витонежича, благодаря чему его дочери со спутниками был обеспечен не только радушный, но и уважительный прием. Отдохнуть удавалось мало именно из-за этого радушия: каждая волость считала своим долгом устроить пир для таких знатных гостей, тем более что в начале осени, после уборки жита, везде появились средства для веселья. А заодно расспросить обо всем подробно,

¹ Здесь и далее используется устаревшее написание слова «ладья».

узнать новости из первых рук. Еще бы: не каждый год из словенской Ладogi везут невесту для князя полуденной полянской земли, в далекий Киев-город.

Но вот Ловать почти закончилась. Впереди лежал самый сложный участок пути. Теперь предстояло довольно долго пробираться по мелким речкам и озерам, тащить лодьи через волоки и болотные гати, чтобы в конце концов спустить их в Днепр, а уж по нему плыть вниз по течению до самого Киева. Воевода Белотур, проделавший этот путь прошедшей весной, рассказывал, что от Днепра до Ловати он тогда добирался чуть ли не целый месяц. Правда, задержали его не только сложности самого пути.

– Нам бы до Днепра дойти, пока дожди не начались, – говорил он Дивляне и Велему. – А там уж по большой воде лодьи птицей долетят. Сейчас бы в грязи не увязнуть. Попросишь богов о хорошей погоде, а, Дева Ильмера?

Дивляна улыбалась в ответ, но обещать ничего не могла. Ее дорогой ценой доставшаяся сила, дававшая возможность обращаться к богам, в дороге словно бы заснула, и сейчас она не чувствовала в себе ничего такого.

– Все вместе просить будем, а я только докричаться помогу, – отвечала она киевскому нарочитому мужу и своему будущему близкому родичу. – Боги тогда откликаются, когда все племя просит.

– За нами дело не станет! – обнадеживал Белотур. – Нам такая, как ты, княгиня – просто дар богов. Засухи у нас часты, собираемся всем народом дождя просить, да не всегда Перун слышит. А тебя он слышит, еще как слышит! Я сам видел. Теперь заживем! Ох и рад будет брат мой Аскольд! И не чаёт, какой подарок я ему везу!

Дивляна улыбалась в ответ, тайком вздыхала и отворачивалась. Она смирилась с тем, что ей суждено уехать от родных мест на край света, жить среди чужого племени, стать женой киевского князя Аскольда, сына Ульва Зверя. И никогда больше не видеть ни Ладogi, ни Волхова, ни Ильмеря, на берегах которого боги сделали ее Девой Ильмерой. Не увидеть отца и матери, Яромилы и Веснавки, братьев Доброни и Витошки, Велеськи, Тепляны, всех ближних и дальних родичей. Не увидеть Дивинца, на вершине которого Вольга в тот далекий весенний день впервые обнял ее. Тогда все ждали, что вот-вот на Ладogu обрушится дружина Игволода Кабана, но Дивляна ничуть не боялась, потому что любовь к Вольге заполняла ее душу и заливала все вокруг ясным светом. И те дни, полные тревожного ожидания, в воспоминаниях выглядели радостными и приятными – потому что тогда рядом был Вольга, она верила, что они проживут вместе всю жизнь и будут счастливы всегда, всегда...

Та Дивляна, которой она была всего несколько месяцев назад, теперь казалась ей каким-то другим человеком. Сейчас она, Дивомила Домагостевна, дочь старшего ладожского рода и наследница благословения богов, Дева Ильмера, ехала к полянам, чтобы стать женой никогда не виденного ею князя Аскольда. Теперь она уже хорошо знала, что жизнь – это не девичьи мечты и что род, давший ей силу и достоинство, взамен требует, чтобы и она подчинила его благу свои желания. И она сделала это, потому что человек без рода что сухой лист, подхваченный ветром.

Когда лодьи достигли верховьев Ловати, Белотур в одной из весей нанял проводника, знавшего место, от которого удобнее всего добираться до озера Узмень. Проводник, сильно хромающий, скособоченный мужик по имени Мезга, после неудачной схватки с медведем стал почти негоден к работе, зато отлично знал окрестности и был рад случаю заработать куну.

Дружина была большая – Белотур вел с собой сорок человек, а Велем присоединил к ним три десятка своих. Третий сын Домагостя женился всего за пять дней до отъезда, зато благодаря этому воевода смог доверить ему такое важное дело, как доставка сестры к жениху. Рослый, сильный, толковый и решительный, но при этом любознательный и общительный, Велем с охотой взялся за поручение – ему и самому хотелось поглядеть, как живут на Той Стороне. Внешнего сходства между ним и Дивляной было мало, хоть они и родились от одного отца и

одной матери, и объединял их только цвет глаз: черты лица у Велема были по-мужски грубее, но тоже приятные, а волосы темнее.

Так же мало были похожи друг на друга и прочие их братья, двоюродные и троюродные, составлявшие половину Велемовой дружины: в их жилах смешалась кровь словен, чуди, варягов в разных поколениях. Старшие, Гребень и Стоинег, уже были женаты, остальные – Колога, Ивар, Радобож, Селяня, Синята да десяток внуков стрыя-деда Братомера – еще нет, и по вечерам они часто подзадоривали друг друга, обсуждая, каких невест себе раздобудут в чужих краях. Для них этот поход в полянскую землю был событием из кошуны, где добрый молодец идет за край света и находит там или Жар-птицу, или молодильные яблоки, или еще какое диво, но уж невесту, волшебницу и красавицу, – это непременно!

Остальные гриди были набраны в Ладогe и уже испытаны в недавних сражениях с русью Игволода: Опенок, Осташка, Божил, Нежата, Сокол, Пятыша. Из Святоборова рода были двое, его сын Добробой и братанич Мирята. Послали своих парней или даже молодых мужчин и другие ладожские роды: ведь все они собирались извлечь в будущем немалые выгоды из родства ладожской старейшины с полянским князем. Шли они на шести довольно крупных речных лодьях с наставленными бортами, вмещавших человек по пятнадцать-двенадцать каждая, да еще с немалой поклажей. Немного найдется весей и городков, где ее удалось бы разместить под крышей, но оба воеводы стремились устроить в тепле хотя бы Дивляну. Всего месяц назад она едва не умерла, простудившись на реке, и ни брат, ни будущий деверь не хотели подвергать лишнему риску ее здоровье и саму жизнь.

– Нет ли тут жилья какого поблизости? – расспрашивал Белотур Мезгу. – Хоть заимка, лишь бы изба с печкой была.

– Есть тут и изба, и печка, да лучше не соваться туда, – покачал головой Мезга.

– Что так? Лихие люди? Мы не боимся, пусть нас боятся! – выразительно ответил Велем и подмигнул Белотуру.

Тот усмехнулся: трудно было представить такое лихо, которого стоит бояться дружине из семи десятков хорошо вооруженных мужчин.

– Не так чтобы лихие... Село здесь, Межа называется, – пояснил Мезга, и Дивляна кивнула. Здесь, где кончалась Ловать и начинались неведомые земли, в ее глазах проходила межа Того и Этого Света, а значит, никак иначе село называться и не могло. – Хорошее село, большое, дворов с три десятка.

– Ого!

– Кривичи и голядь живут. Да только гостей они к себе не пускают. Бабка у них одна всеми верховодит – Кручиниха, старейшины Кручины Пытигневича вдова. Лет десять назад стояли у них на ночь варяги торговые, да завезли какую-то хворь злую, лютую – все село в лежку лежало, человек с двадцать умерло. С каждого двора кого ни то на жальник свезли. С тех пор не пускают чужих.

– Да мы уговорим! – Велем ухмыльнулся.

– Не надо! – Проводник потряс нечесаной головой. – Бабка-то, Кручиниха, – она *знает*. Сильная ведунья, духи разные у нее в услужении. Много чего может – порчу снимает... а то и наводит. Кто ей слово поперек скажет – непременно беда случится.

– Не надо мне этой бабки, – недовольно хмурясь, сказала Дивляна. – Обойдусь я без ее печки – среди своих сохраннее.

Белотур кивнул и не стал настаивать. Положение Дивляны было слишком уязвимым, чтобы рисковать навлечь на себя косой взгляд чужой изводчицы². Обрученная невеста, она находилась на переломе своей судьбы, когда девушка уже вышла из-под защиты рода и чуров, но еще не вошла в другой род. Это время считается самым опасным, когда девушка наиболее

² Изводчица – колдунья, способная насыпать извод, то есть порчу (от слова «извести»).

доступна для любого видимого и невидимого зла, а Дивляне к тому же предстояло ехать так далеко – за край света, куда с робостью в душе пускаются даже зрелые, сильные мужчины.

Отроки тем временем начали устраивать стан: таскали от лодий поклажу, ставили шатры. В роще стучали топоры, и Мирята выбивал искру над кучкой щепок и бересты, а Опенек держал над ним щит, прикрывая от дождя и ветра. Запылали костры; вырубив в роще жерди, над пламенем растянули пологи из бычьих шкур, чтобы не заливало дождем. Такими же шкурами был покрыт шатер для Дивляны, и две ее челядинки уже возились внутри, раскладывая на земле сперва еловый лапник, потом кошмы, потом овчины, потом одеяла... Но сидеть в шатре среди сырости не хотелось, поэтому Дивляна пристроилась на бревнышке возле огня. Под пологом собирался дым, ел глаза и не давал дышать, но все же тут было лучше, чем под дождем. Как говорится, дымной горести не терпеть – тепла не видать.

Варили кашу, отроки резали купленные в одном из сел караваи из нового жита. Когда наконец все расселись, держа на коленях по миске с горячей кашей, уже начало темнеть. Дождь все поливал, ветер бросал в лицо дым. Морщась и отворачиваясь – это известное дело, с какой стороны ни сядь, дым пойдет на тебя! – Дивляна случайно глянула в сторону и вдруг увидела вдали огонь.

Охнув, она схватила за руку сидящего рядом Велема и дернула:

– Смотри!

Огонь будто висел между небом и землей – вероятно, он горел на какой-то возвышенности, которой в густых сумерках не было видно, и оттого производил пугающее впечатление. Невысокий, трепещущий, отчаянно борющийся с ветром и дождем, он тем не менее упорно пылал, резко бросаясь в глаза среди окружающей тьмы.

– Смотрите, смотрите! – Заметив огонь, поляне и ладожане стали дергать друг друга за рукава, толкать в плечи и показывать на диво. Наступила тишина, и все в тревожном изумлении уставились на пламя, парящее над землей.

– Вот это да! – пробормотал рядом с Дивляной брат Селяня. – Это сколько же там серебра?

В Ладогe ходило немало преданий о старых варяжских кладах, зарытых разными людьми у начала длинного торгового пути, где очень редко выпадали спокойные времена. Все знали, что забытый и оставшийся без хозяина клад дает о себе знать огнем, видимым в ночи, загорающим сам по себе, и теперь, увидев огонь в пустынной местности, ладожане первым делом подумали о зарытом серебре.

– Разве сходить посмотреть... – Другой брат, Гребень, отставил миску и стал было подниматься, но Дивляна схватила его за полу.

– Сиди! Серебра тебе чужого надо? А если это нечисть нас заманивает? Или забыли, где находитесь?

– И бабка, вон, опасная у них... – поддержал Колога, кивнув на Мезгу, который рассказывал о местной изводчице. – Ну его к юдам³, даже пусть и серебро...

Никто никуда не пошел, тем не менее, поедая кашу, все то и дело косились в сторону огня. А он все пылал, будто пытаясь переупрямить дождь.

– Огни горят палючие, котлы кипят кипучие – хотят козла зарезати... – пробурчал Сокол, вспоминая кошуны, и Дивляна содрогнулась: эти строки очень хорошо подходили к ощущению неведомой жути, которое вызывал огонь в ночи. Так и казалось, что духи, обитатели Той Стороны, собрались тут и ожидают неосторожных путников. Сидящие рядом поежились и невольно сдвинулись друг к другу плотнее.

³ Юда – злой дух, пришедший из карело-финских верований, известный в северных областях.

– И что, часто так бывает, чтобы серебро огнем из земли выходило? – спросил Белотур, подув на кашу и окинув непринужденным взглядом лица сидящих тесным кружком ладожан, озаренные неровным светом костра.

Покосившись на него, Дивляна подумала, что он это спрашивает не столько из любопытства, сколько ради того, чтобы отвлечь впечатлительных отроков от пылающего в темноте зловещего огня. Его собственная полянская дружина все-таки однажды уже проделала этот долгий путь от среднего Днепра до Варяжского моря, а вот ладожане забрались так далеко от дома впервые и чувствовали себя неуютно.

– Случается! – заверил Селяня, несмотря на свои пятнадцать лет, рассудительный и при этом веселый и бойкий парень. – Помнишь, Радоня, с Родоумихой случай был? – Он подтолкнул локтем одного из братьев. – Родоумиха, ты видел ее, Тур, вот такая баба!

Он обвел руками нечто округлое, раскинув их почти во всю ширь, и мужчины у костра засмеялись:

– Да уж, это чудо трудно не заметить!

– Это да – баба, обнять рук не хватит!

– Втроем надо!

– Тогда Родоум еще жив был, – продолжал Селяня. – Вот пошла она однажды белье на реку полоскать, пральником⁴ колотит – аж мостки трясутся. И вдруг чует – за спиной стоит кто-то. Обернулась, глядь, а там девка незнакомая, а сама красивая такая, нарядная. Девка и говорит: «Ударь меня пральником!» Родоумиха думает себе: «Зачем же я такую красоту буду бить?» И спрашивает: «Девка, ты чья? Что-то я не знаю тебя!» Та не отвечает и опять за свое: «Ударь меня пральником!» А Родоумиха опять: «Не буду, а то я как вдарю, от тебя мокрое место останется». Та еще раз попросила, а потом говорит: «Сто лет я в земле лежала, видно, еще сто лежать придется». И пропала. А то и был клад старый варяжский. Уж ее Родоум потом ругал, ругал за дурость: ударила бы, девка бы серебром рассыпалась. Вот бы они разжились – сам бы Родоум с товаром ездил. А та, дура, счастье свое проворонила.

– А еще мой стрый Волога рассказывал, – подхватил Нежата. – Он тогда молодой был, неженатый, но уже к невесте своей, тетке моей, присватался. И вот шел он раз вдоль Волхова, где сопки, и вдруг видит девку перед собой – откуда взялась, непонятно. А красивая – глаз не отвести. Он и спросить не успел, чья она такая, а она сразу и говорит: «Возьми меня замуж». Он кабы ничего, то прямо сразу взял бы. А он и задумался: да как, просватали невесту, по рукам ударили... Он и говорит: «Не могу, есть уже невеста». А девка вдруг как превратилась в котел железный, да как тот котел покатился с берега, а в нем серебро так и гремит! Покатился – и в Волхов бултых! Только круги пошли. Это значит, если бы он согласился ее в жены взять, то остался бы котел и все серебро ему бы было. Вот так оно...

Поляне посмеивались и покачивали головами, слушая эти предания, хорошо известные в Ладоге и ее окрестностях, на древнем Пути Серебра. А Дивляна поглядывала на Белотура – благодаря его уверенному спокойствию и ее страх прошел, и она уже смотрела на горящий в ночи неведомый огонь не более чем с любопытством. Старший киевский посол приходился ее будущему мужу двоюродным братом по матери и примерно ровесником – ему было чуть за тридцать, а самому Аскольду, по его словам, на два года меньше. В полянском племени Белотур уже несколько лет ходил в воеводах, унаследовав эту должность от отца, а тот – от деда: их род издавна славился сильными, умелыми и удачливыми воинами, любимцами Перуна. У него было продолговатое лицо с крупными чертами, широкий рот, крепкие белые зубы блестели в бороде, совсем светлой, как и волосы, и брови. Красотой он не отличался, но открытое лицо с дружелюбным выражением и мощная фигура делали его весьма приятным для взора. Общительный и приветливый, он с самого начала обращался с невестой брата по-родствен-

⁴ Пральник – инструмент вроде совка на ручке, которым колотили белье в процессе стирки.

ному заботливо и тем внушал ей надежды на хороший прием в роду мужа. Казалось, при каждом взгляде на нее он заново радуется и поздравляет себя с тем, что раздобыл для брата такое сокровище, и эта радость в его серо-голубых глазах согревала сердце Дивляны и понемногу примиряла ее с судьбой. Окажись ее будущий родич не столь добросердечным, она себя не помнила бы от отчаяния в этом пути, навсегда уводящем ее от родного и привычного.

– Так что, не жалел твой стрый, что невесту на котел серебра не променял? – Белотур улыбнулся Нежате.

– Не. – Тот ухмыльнулся, но подумал, скорее всего, о своей собственной невесте Тепляне, родственнице Дивляны и Велема, которая ждала его в доме воеводы Домагостя.

– Ну, как говорится: коли в дому лад, не надобен и клад!

Белотур глянул на Дивляну, и она улыбнулась ему. В последнее время ей не раз приходило в голову: ах, если бы ее будущий муж, князь Аскольд, оказался похож на Белотура, был бы таким же добрым, искренним, надежным человеком! Тогда жизнь ее могла бы сложиться не так уж несчастливо. Хотя настолько счастливой, как собиралась быть с Вольгой, она не будет уже ни с кем и никогда. Потому что никогда и никого, будь он хоть сам Ярила, она не полюбит так сильно, как любила Вольгу... любила и сейчас еще...

Прочие поляне – нарочитые мужи Битень, Валун, Бориполк с сыновьями Жданом и Желаном, Родобуд, отроки из их дружин – тоже выглядели людьми неплохими. Говорили они немного иначе, порой вставляли словечки, которых ладожане не понимали, но в целом были такими же людьми с такими же чувствами и стремлениями, а не выходцами из Закрадного мира⁵.

Но сейчас взгляд Белотура почему-то смутил ее: она даже спрятала руки, плотнее завернувшись в Велемов толстый плащ из колючей шерсти. Белотур смотрел так, будто любовался ею, а чем тут любоваться? Рубашка простая, вотола эта зеленая, своими руками крашенная... На подоле сухие стебли: в таких случаях девке говорят, что-де «вдовцы налипли», за вдовцом замужем быть. И где только подцепила? Ах, ну да, Аскольд же двух княгинь похоронил, вдовец, стало быть...

Не умея взглянуть на себя чужими глазами, Дивляна не понимала, что даже сейчас, в плаще, покрашенном дубовой корой в зеленовато-бурый цвет, почти без украшений, она выглядит как та самая Солнцедева, дочь Перуна и невеста Ярилы. В самом расцвете девичьих лет – весной ей исполнилось шестнадцать, – среднего роста, легкая, стройная и подвижная, она вся дышала теплом, жизненной силой, которая горела в румянце на щеках, в ярких, как спелая земляника, алых губах, сияла в серо-голубых глазах под густыми черными ресницами. В ее толстой косе, рыжевато-золотистой, словно затаилось солнце; она казалась теплой даже на вид, и ее все время хотелось потрогать. Легкие кудряшки возле висков и надо лбом красиво обрамляли нежное лицо. Ее старшая сестра Яромила, которую Белотур поначалу сватал за своего брата, была, пожалуй, красивее чертами, да и ростом выше, но эта жизненная сила, которой Дивляна была переполнена, привлекала и привязывала к ней прочнее всякой красоты. Нередко она бывала грустна и задумчива – ничего удивительного, если знать, что ей пришлось навсегда покинуть родные края и всех родичей. Но порой, забывая об этом, она смеялась, и тогда радость разливалась вокруг широкой волной, как бывает, если меж тучами вдруг проглянет солнце и бросит золотой луч, оживляя хмурую промокшую землю. Белотур был рад, что в конце концов им досталась именно эта невеста – девушка, способная одним своим присутствием согревать все вокруг и радовать сердце. Неудивительно, что Солнцедева выбрала ее своим земным воплощением: она была полна расцветающей прелести, точно сама богиня весны. И хотя он старался держать себя в руках и не давать воли мечтам о невесте брата, близость Дивляны и в нем зажигала кровь, наполняла огнем и удалью, будто он сам – не воевода и

⁵ Закрадный мир – мир мертвых; от «за крадой», то есть погребальным костром.

отец уже почти взрослого сына, а молодой парень, жених! Рядом с ней, казалось, каждый мог начать все заново, вернуться в юность – в то время, когда все еще впереди, – потому что весну человеческой жизни она несла в себе.

Ночь прошла спокойно: несколько раз Дивляна просыпалась и слышала, как переговариваются отроки у костра, как с треском ломают сучья, чтобы подкинуть в огонь, однажды различила голос Белотура, проверявшего дозоры. А утром она проснулась раньше всех – обе ее челядинки, Кунота и Долговица, еще сопели по бокам, укутавшись в одеяла до самого носа, и снаружи не доносилось никакого шевеления. Между тем, судя по яркому свету, проникавшему сквозь щель полога, погода наладилась. Потеплело, Дивляне даже было жарко в шубке из толстой шерсти и вязаных чулках, в которых она спала под одеялом и большой овчиной.

С усилием выкопавшись из-под всего этого и нашарив среди одеял свой пояс, она на коленях поползла к пологу и выглянула наружу. И дух захватило от радости – какой прекрасный день начинался! Небо совершенно очистилось от туч и сияло яркой, льющейся в глаза голубизной; вставшее солнце сушило вчерашнюю влагу, трава зеленела, и будто вернулось лето. Сквозь утреннюю свежесть уже веяло теплом, блестела золотом река, мир казался открытым на все стороны, приветливым и светлым. И не скажешь, что тут уже почти Та Сторона...

Дивляна выбралась из шатра, обулась, оправила рубахи и пояс, подтянула чулки, пригладила косу. Потом сходила умыться к реке. Костры погасли, вокруг них, под пологом и просто на траве, спали ладожские отроки и Белотуровы кмети, плотно завернувшись в плащи. От легкого шелеста ее шагов по траве никто не проснулся. Но лезть обратно в темный, душный шатер, полный запахов влажной шерсти и кожи, Дивляне совсем не хотелось.

Она осмотрелась по сторонам. За близкой рекой виднелись ивы, справа зеленела роща. Где-то там, за рощей, они вчера видели парящий в воздухе огонь... «Пойти посмотреть?» – подумалось Дивляне. Глубоко внутри что-то испуганно ойкнуло, но любопытство победило. Сейчас ведь не то, что вчера: светло и совсем не страшно. И она побрела через луговину к роще, выбирая места, где поменьше травы, чтобы не слишком мочить подол. Она не знала, далеко ли придется идти, но роща кончилась довольно быстро, сменившись заросшей лядиной. Видимо, ее пахали в последний раз лет десять назад – молодые березки поднялись как раз по плечи человеку, а между ними сплошным строем стояли грибы-подберезовики с коричневыми шляпками. Лядина указывала на близость жилья, но почему же тогда грибы никто не собирает? Дивляна еще подумала, что на обратном пути наберет, сколько влезет в подол, – в котел все сгодится. Но вот кончилась и лядина, а за ней...

Ясно, что это был жальник – точно такие же длинные курганы, вытянутые порой на десятки шагов, она не раз видела в последние дни на берегах, где они перемежались с округлыми словенскими сопками. В таких курганах хоронили прах своих умерших кривичи, чьи поселения встречались уже и на Ловати, а здесь, в ее верховьях, начинались их коренные земли. Вот почему тут никто не собирает грибов – здесь владения мертвых. Судя по длине и высоте, эти два курганы были довольно стары и приняли в себя прах не одного поколения. На склонах тут и там шелестели листвой на утреннем ветру те же молодые березки – на ветвях качались рушники с особой погребальной вышивкой, где совсем свежие, а где давно полинявшие, избитые пральниками ветров и выполосканные дождями. Под березками в траве виднелись горшки с поминальными угощениями. Но главное...

Некоторое время Дивляна стояла, мертвой хваткой сжав в кулаке сине-голубую бусину-глазок, висевшую у нее на шее: прощальный дар Ильмерь-озера и всех ее предшественниц, ранее носивших священное звание Огнедевы. Нет, это ей не мерещится. Здесь жальник, и на склонах кургана – только одного из двух – прямо на траве застыли дети и подростки. Живые... или нет? Ни ран, ни крови на них не было видно, но они лежали неподвижно, будто не замечая в своих тонких исподних рубашках утренней прохлады и сырости земли...

Ближе всех, всего в паре шагов от нее, лежала девочка лет восьми, со светлой косичкой, – скорчившись и прижав кулачки к груди. На обоих ее запястьях Дивляна увидела науз – красную шерстяную нить с узлами. Заставив себя сделать шаг, она наклонилась и всмотрелась в лицо девочки. Та выглядела спящей, а на шее у нее был еще один науз – множество сложных узлов, каждый из которых завязывается с особым заговором. Дивляна, наследница многих поколений волхвов, хорошо разбиралась в таких вещах. Кроме науза, на шее девочки виднелась костяная фигурка птички – таких оберегов словены не носили.

Глубоко вдохнув, собрав в кулак всю свою смелость, Дивляна опустила дрожащую руку и прикоснулась к руке девочки. Кожа ее была прохладной, как у всякого, кто слишком долго пробыл на воздухе в нежаркое время, но мягкой. Она сжала пальцами запястье, прислушалась... жилка билась!

Ух! Дивляна почувствовала такое громадное облегчение, будто с плеч свалился сам Дивинец, знаменитая ладожская сопка, могила древнего конунга Ингваря. Она вдруг обнаружила, что сама все это время, похоже, не дышала. Уже смелее она схватила девочку обеими руками за плечи и стала трясти.

– Просыпайся! – требовательно позвала Дивляна. – Ты ведь живая, да? Просыпайся, ну, быстрее!

Девочка вздрогнула и очнулась. Шевельнулись белесые ресницы, поднялись веки, на Дивляну глянули светло-голубые, будто у котенка, еще бессмысленные глаза...

– Слава Макоши! – воскликнула Дивляна.

А девочка распахнула глаза во всю ширь и резко отстранилась, бросила взгляд по сторонам и оцепенела.

– Не бойся! – Дивляна присела перед ней на корточки и снова взяла за руку. – Я тебе ничего дурного не сделаю. Как ты здесь очутилась? Почему вы все здесь лежите, что это значит? Кто вас сюда привел? Где ваши родные?

Она огляделась, потом оставила в покое девочку, которая только смотрела на нее с ужасом и недоумением, и принялась тормошить всех подряд – подростка лет тринадцати, к которому прижался братишка лет четырех, красивую пятнадцатилетнюю девушку, еще двоих мальчиков лет семи-восьми... Все были босы, с ледяными руками и ногами, в одних сорочках, и у всех обязательно на руках и на шее Дивляна видела те же наузы из красной шерстяной нити. Все матери навязывают их своим детям, и Дивляна с сестрами в детстве носила такие же, но не в таких количествах! Этих детей хотели от чего-то уберечь... Но почему они оказались ночью на жальнике, будто жертвы, почти раздетые и бесчувственные? Ни на ком не было поясов – значит, они собирались спать... Здесь, на земле?

Бегая от одного к другому, она теребила, тормошила, звала, старалась привести в чувство. Постепенно жальник оживал: девочки, мальчики, парни-подростки и юные девушки приподнимались, хватались за головы, терли глаза... Кто-то заревел, кто-то подхватил, раздались первые осмысленные голоса, старшие утешали младших. Но большинство тех, кто уж пришел в себя, не отрывали глаз от Дивляны. Ну, еще бы – красивая и совершенно незнакомая девушка, разбудившая их на жальнике, должна была показаться им видением.

Один за другим вставая на ноги, поднимая младших, они все стягивались к ней и вскоре обступили плотным кольцом.

– Кто вы такие? – Убедившись, что неподвижных, оцепеневших фигур на траве больше нет, что все уже поднялись или хотя бы очнулись, Дивляна огляделась, выискивая взглядом более взрослых. – Как вы сюда попали? Откуда вы все? И почему вы спите на земле... на жальнике? Кто вас сюда привел? Зачем?

Но ответа ей удалось добиться не сразу: даже старшие, даже те, кому было лет по тринадцать-четырнадцать, а значит, с кем уже можно было разговаривать как с разумными взрослыми людьми, поначалу только тарасились на нее с немым изумлением. И чем дальше, тем

сильнее в голубых глазах, смотревших на нее со всех сторон, разгорался страх. Подростки оглядывались, жались друг к другу, иные продолжали реветь.

– А кто ты? – наконец раздался чей-то робкий тонкий голос.

Дивляна обернулась и увидела ту девочку, которую разбудила первой.

– Я... Огнедева, – ответила она, немного поколебавшись.

Конечно, можно было сказать, что она – Дивомила Домагостевна, дочь ладожского воеводы, внука Радогневы Любшанки, невеста полянского князя Аскольда... Но едва ли эти дети, живущие уже за чертой Того Света – если здесь вообще *живут*, – знают всех этих людей.

– А, я знаю! – помедлив, откликнулась та же девочка, и ее смышленное личико просияло. – Огнедева – это то же, что Сауле. Ты – Сауле? Ты пришла, чтобы нас спасти?

– Что такое Сауле? – не поняла Дивляна.

– Да вон она... ты! – Девочка подняла руку и указала на встающее над рощей солнце, вовсе не удивленная тем, что оно находится на небе и на земле одновременно.

Дивляна улыбнулась:

– Да, это я. Но вы кто такие? Откуда вы родом?

– Мы из Межи, – вступил наконец в разговор один из подростков. – Кореничи мы.

– А мы – Синеличи! – подхватил другой голос.

– И где ваша Межа?

– Вон там. – Ей показали в другую сторону, где зеленел лес.

– Но почему вы здесь, а не в Меже? Кто вас привел сюда?

– Это... – Подросток хотел ответить, но голос его почему-то прервался, на глазах заблестели слезы... – Это она...

– Ее игрецы! – таким же дрожащим голосом подхватил кто-то.

– Нас... хотели... съе-е-е-есть... – прозвучал еще один надрывный от подступивших слез голос же окончательно перешел в плач.

И тут дружно зарыдали все – мальчики и девочки, совсем маленькие и постарше. Дивляна беспомощно огляделась, чувствуя себя незадачливым пастухом среди ревущего стада. И такой глубокий, застарелый ужас слышался в этом плаче, такая безнадежность, что ее мороз продрал по коже и захотелось бежать. Несмотря на яркое солнце, синее небо, живую зелень и тепло вокруг, ей стало жутко. Она действительно попала на Ту Сторону, где творятся какие-то страшные, непонятные, жестокие дела! Она и правда забрела в какую-то ужасную баснь, из тех, которыми пугают непослушных детей.

И тут у нее отлегло от сердца: на опушке, откуда она пришла, мелькнуло несколько знакомых фигур – сперва вышел братец Селяня с озадаченным лицом, потом Душила и Осташка. Обернувшись, тот торопливо махнул кому-то рукой, и появился Белотур, а за ним Велем. Все были растрепанные, явно еще не умытые, кое-как подпоясанные, Селяня даже босиком – видимо, проснулись, обнаружили исчезновение своей Огнедевы и кинулись во все стороны искать пропажу. И надо было видеть их лица, когда они обнаружили Дивляну – на чужом жалънике, в окружении незнакомой ревущей детворы!

А она, пробившись через толпу, бросилась к своим, схватила Велема за руку и затеребила, не давая ему раскрыть рта:

– Они лежали здесь, они лежали прямо на земле! Я думала, они все мертвые!

Заметив чужих мужчин, дети перестали реветь, сбились в тесную кучку и замолчали, настороженно их оглядывая из-под падающих на глаза светлых влажных волос. Теперь было видно, что они все или почти все близкие родичи – одинаковые узоры на рубашках, очень схожие лица, как и бывает в родах, где жизнь проживают бок о бок и даже думают одинаково.

– Они из Межи, – пояснила Дивляна. – И их кто-то хотел съесть...

Один из мальчишек вдруг сорвался с места и бросился бежать. Другие тоже встрепенулись. На опушке того леса, за которым, по словам детей, находилась Межа, появились люди

– мужики с кое-как завязанными поверх сорочек поясами, женщины в поспешно намотанных убрусах, с заплаканными лицами. Сорвавшись с места, дети кинулись к ним, женщины бежали им навстречу, причитая на ходу, а мужчины настороженно и враждебно разглядывали чужаков. Многие сжимали топоры...

Белотур поднял руку, словно призывая к вниманию, и сделал шаг вперед. Несмотря на простую одежду, весь его облик был полон уверенной силы и дышал привычкой повелевать – он был безоружен, но местные попятились.

– Здоровы будьте, люди добрые! – окликнул он. – Чьего вы роду, чьего племени?

– Мы-то – Кореничи межевские. – Один из мужиков вышел вперед, еще сжимая топор в опущенной руке. Лет ему было на вид сорок с чем-то, а светлые волосы и голубые глаза позволяли предполагать в нем отца или деда кого-то из озябших детишек. Судя по беспокойным взглядам, которые он невольно бросал, в детской стайке и впрямь имелись его потомки. – Я – Милоум, Кручинович сын, Пытигневов внук. Со мной братья мои Кореничи, а еще Синеличи, себры наши и сваты. Земля эта наша, уж пятое колено наших родов ею владеет. А вы кто и что на нашем жальнике родовом делаете?

– Я – Белотур, Гудимов сын, Ратиборов внук, брат полянского князя Аскольда и князя Святослава Всеволодовича внук. Здесь дружина моя киевская и сваты мои ладожские. Вон – Велемысл Домагостевич, сын воеводы ладожского Домагостя Витонежича. Держим путь из Ладоги в полянскую землю, в Киев-город. Кому дань даете?

– Князю смолянскому Громолюду Удачевичу – уж пять лет как. А до того давали кривичскому князю Велебрану.

Белотур кивнул: он знал, как произошла эта перемена.

– Это она нас оживила! – раздался рядом знакомый тонкий голосок, приглушенный почтением к старшим, но, тем не менее, Милоум обернулся.

Держась за руку женщины средних лет, рядом стояла та восьмилетняя девочка с костяной птичкой на шее.

– Это она! – Девочка показала на Дивляну. – Батя, это Сауле. Она сама сказала. И она нас оживила.

Милоум вытаращил глаза. Он и раньше приметил Дивляну, стоявшую между Белотуром и Велемом, и, наверное, задумался бы, что это за красивая девушка в самой поре, но без обычной девичьей тканки на голове, если бы у него было на это время. Но... Сауле? Само солнце, почему-то сошедшее на землю?

– Это невеста брата моего, князя Аскольда. – Белотур положил руку ей на плечо. – И она – Дева Ильмера, Огнедева волховских и ильмерских словен. Благословение богов на ней. Она нашла ваших детей спящими на жальнике и разбудила их. Может, вы расскажете, что здесь происходит?

– Ты... Огнедева? – Женщина, держащая бойкую девочку за руку, сделала шаг вперед, подавшись ближе к Дивляне. – Ты – Дева Ильмера? Я знаю... Моя бабка из Взвада родом... Она рассказывала про Деву Ильмеру, ее звали Благочеста... но она была последней!

– Благочеста Гостивитовна моей бабки Доброчесты была родной сестрой, – ответила Дивляна. – После нее боги семь десятков лет не находили новой избранницы, но этим летом, когда я приехала в Перынь⁶, огонь на жертвеннике Лели-Солнцедевы вновь загорелся.

– Это правда, – подтвердил Велем, и Белотур кивнул.

Жители Межи в изумлении разглядывали девушку, и в ее красивом лице, в косе, сияющей червонным золотом, уже видели отражение божественного света. И хотя любому было

⁶ Перынь – святилище над Волховом, возле озера Ильмень (Ильмерь), посвященное женским божествам.

трудно свыкнуться с мыслью, что перед ним стоит богиня, никто не сомневался: именно таким и должно быть земное воплощение Солнечной Девы.

– Это боги нам тебя послали! – среди наступившей тишины выдохнула женщина и всхлипнула. – Солнцедева! Спасение наше! Слава чурам! Слава Макоши-матушке! Услышали деды наши мольбы! Как уж мы ждали, как просили – когда солнце взойдет и к нам на порог...

– Ну, коли боги саму Сауле с небес свели нам на помощь, что же мы, как дивьи⁷ неученые, ее в дом не зовем? – усмехнулся другой мужик, постарше и поплотнее, с такой же, как и у Милоума, светлой бородой и веселыми голубыми глазами. – Что застыл, Миленья, стоишь, будто лунь болотный? Кланяйся, зови Огнедеву в дом!

– Пожалуй, Солнцедева! – Милоум, еще раз окинув взглядом лица родичей, неуверенно, хотя и без неохоты, поклонился сперва Дивляне, потом ее спутникам. – Пожалуйте, воеводы, будьте нашими гостями!

Межа действительно оказалась довольно обширное весью, и даже недавний мор, о котором рассказывал Мезга, не нанес заметного ущерба численности его населения. Избы были срубные, под дерновыми и соломенными крышами, но в жилье старого Кручины, где теперь обитал его сын и наследник Милоум, имелся очаг в земляном полу – в виде вытянутой ямы, обложенной камнями, вокруг которой стояли горшки, вылепленные руками местных женщин – серые, желтые, темно-бурые, простые и без узоров. Только один горшок был красивый, с ровными стенками и цветной росписью, как бы свидетельствуя, что жители Межи не чужды торговли. Оно и понятно – живут рядом с торговым путем. Еще при дедах была сложена печь, обычная для словенских жилищ, но и старинный очаг не решались засыпать: под его камнями обитали чуры, которым не понравится, если потомки перестанут их кормить и греть.

Первоначально в Меже жили всего два рода – кривича Корени и голядский род Синелиса, иначе Синели, как его стали называть соседи. За четыре-пять поколений семьи разрослись и так перемешались, что брать жен друг у друга Кореничи и Синеличи больше не могли – все в родстве. И хотя в семьях Синеличей еще сохранялись родовые голядские имена, говорили все на одном языке и жили одинаково. Дивляна не сразу начала различать, кто из снующих вокруг детей и взрослых из Кореничей, а кто – из Синеличей, пока не заметила на подолах родовые знаки, – тогда все стало ясно.

Старейшиной над всеми в последние лет двадцать или больше признавался глава Кореничей – Кручина. Когда он умер, его права и влияние унаследовал сын Милоум – но не меньшим весом обладала и его мать, вдова Кручиниха. Причиной тому был ее решительный нрав, хозяйственная опытность, а также немалые ведовские знания и умения. Неуживчивой старухи боялись и свои, и чужие, но никто лучше ее не лечил скотину и людей, не умел приносить жертвы, чтобы выпросить у богов дождей в нужное время или отвести тучи, когда дождя не надо, отвадить волков и медведей от пасущегося в лесу стада. Наиболее она славилась как зелейница⁸, знающая сотни съедобных, лечебных, волшебных трав. Кручинихе во всем помогали духи, невидимые слуги, которым она всегда, садясь есть, бросала по несколько ложек или кусков от каждого блюда под стол.

И вот недавно бабка Кручиниха умерла. Умерла внезапно и в одночасье – шла в одиночку с выгона и упала замертво. Ее нашли только к вечеру – бездыханную, с искаженным лицом, то ли испуганным, то ли разгневанным. Женщины подняли крик и плач, мужчины ходили, «будто лунем склеванные», как тут говорили, – то есть растерянные и ошарашенные. За тридцать последних лет все привыкли, что их жизнь и благополучие в надежных руках знающей бабки, а без нее все разом ощутили себя беззащитными и брошенными. Ходили слухи, что старуха умерла не просто так, а что догнала ее прилетевшая с ветром чужая, наведенная порча.

⁷ Дивии – дикари, дикие

⁸ Зелейница – ведунья, знающая травы, то же, что травница (от слова «зелье» (с «ь»), то есть травы.)

Конечно, врагов она успела нажать немало, но до сих пор поблизости не находилось равных ей соперников в колдовском деле. Неужели таки нашелся? Винили «дикую голядь», жившую в лесах на восточной стороне, но что же тут докажешь? От этих мыслей было еще страшнее, и все до одного ждали неминуемых бед.

Бабку похоронили по обряду – в глухом лесу на Мариной плещи устроили высокую краду, положили на нее тело в лучшей одежде, со снизками на шее – из синего, зеленого, голубого, желтого стекла, — с широкими бронзовыми браслетами на морщинистых руках, в высокой богатой кичке, украшенной десятком колец-заушниц с подвесками, как принято у местной голяди, с которой бабка была в родстве. Рядом разместили все, что могло понадобиться умершей: кремь и огниво, шилья, ножницы, швейные и вязальные иглы, пряслень, серп, дорогой покупной гребень из заморского душистого дерева. Когда крада прогорела, остатки костей и то из вещей, что попало среди углей и золы, собрали в берестяной туес и зарыли на вершине кургана Кореничей, придавив большим камнем. Во рву вокруг кургана и на вершине разложили огонь – погреться бабкиной душеньке, оставили угощение...

Думали, проводили по чести, да не тут-то было. Когда бабка Кручиниха шла с выгона, ее знаменитая клюка находилась при ней – в наверхии клюки была вырезана бородатая голова чура, и все знали, что именно в ней-то и живут бабкины духи-помощники. Перед смертью ведун должен их передать хоть кому-нибудь. Но никого при бабке не оказалось, и клюка ее валялась рядом с телом, выпав из мертвых пальцев, – так ее и нашли. Тело бабки подняли, но клюку оставили на месте – боялись к ней прикоснуться. Кто возьмет клюку, тот возьмет и духов, а с ними справляться – уметь надо.

В Меже имелось несколько мужиков или женщин посмелее, кто не отказался бы обрести силу вместе с духами-помощниками. Но кто бы ни брал в руки бабкину клюку, наутро та оказывалась на вершине кургана, возле камня, которым прикрыли яму с прахом Кручинихи. Это означало, что ее духи не хотят покидать прежнюю хозяйку.

– Видно, ищут нового хозяина достойного, – рассказывал Дивляне и обоим воеводам Милоум. – Наша кровь-то старая, знатная. Бабка была из хорошего голядского рода, из Милогодовичей, а они с самими князьями старыми голядскими в родстве. Княгиня Колпита, старшая Громолюдова жена, из них тоже сама.

– Так вы с Громолюдовой княгиней родня? – Белотур поднял брови.

– Хоть и в дальнем, а дедами счесться можем, – важно кивнул Милоум. – Видно, духи хотят княжьей крови себе хозяина. И верно – ведь есть такой человек...

– Да ты лучше про жальник сперва расскажи, – посоветовал тот веселый толстяк, Милоумов родич, названный Синелей в честь почитаемого предка.

– Да, про жальник, – вспомнил Милоум. – Как похоронили, а через три дня наутро смотрим – нет скотины! Вся разом исчезла, у всех! Как растаяла, как навьи унесли! Кинулись искать – а следы на жальник ведут. Пришли – вот она вся, родимая наша! Коровы, овцы, козы – у нас скотины людно, слава Велесу! – все здесь, стоят, травы не жуют, не мычат... будто зачаровал кто! Пригнали домой, стали бабы доить – молоко горькое, в рот взять нельзя! Так все и вылили. На другое утро – что за напасть! Опять нет скотины! Бегом на жальник – там она, и снова молоко горше полыни! Ну, тут уж мы смекнули – жертвы хочет наша Кручиниха. Выбрали телку, закололи. Три дня было тихо. А нынче просыпаемся – мальцов в избе нет. У меня нет, а ведь их пятеро, у Синели, вон, нет, а он шесть девчонок наплодил, ни у кого нет! Бабы в плач, а мы на жальник. А там вы...

Он замолчал, молчали и гости, потрясенные этим рассказом. Смысл происходящего был очевиден и жуток. Неудовлетворенная кровью телки, покойная бабка хотела теперь в жертву кого-то из детей. А может, ее игрецы, озлобившиеся и одичавшие без хозяина, который их кормил и давал им работу. Дивляна от своей бабки, Радогневы, хорошо знала, что духи-помощники, если не общаться с ними, не ухаживать и не кормить, дичают и звереют, как собаки, и

чем дальше, тем больший вред могут принести. Волосы шевелились на голове от ужаса – духи хотят крови ребенка! И властно тянут возможные жертвы к себе – на курган.

Но не было больше в Меже мудрой бабки Кручинихи, которая могла посоветовать, как избыть напасть. Наоборот, она-то и превратилась в самого страшного, могущественного врага. На вершине кургана раскладывали на ночь огонь, стараясь усмирить и отпугнуть нечисть, – его-то и видела Белотурова дружина предыдущим вечером – но ничего иного никто предложить не мог. И огонь вовсе не помешал кровожадным духам приманить на жальник детей...

– Я не знаю! – Восемилетняя дочка Милоума с взрослым недоумением развела руками. – Мы же спать легли на полатах, заснули, как всегда... А просыпаюсь – Сауле меня за руку держит и зовет: «Росуля, проснись!» Как туда попала – не знаю.

Ни сами дети не помнили, как ушли из домов на жальник, ни взрослые не заметили, не услышали и не увидели, как фигурки в исподних рубашках соскальзывали с полатей, отворяли двери, выходили под ночное небо... Но женщины, прижимая к себе детей и внуков, и сейчас еще причитали, понимая, чем грозит жуткое происшествие.

– И дожди зарядили, – удрученно добавил Милоум. – Снопы мокрые в овин свезли, пока совсем не сгнило, как там просохнет теперь... Сегодня вот только развиднелось, дай Стрибог ясного неба...

– Так ведь сама Солнцедева к вам пришла и тучи разогнала! – Мезга улыбнулся. – Примите ее хорошо, глядишь, и наладятся дела!

Женщины, толпившиеся у двери, смотрели на Дивляну с мольбой и надеждой, а она из всех сил старалась скрыть растерянность. Она много чего знала насчет духов и того, как с ними обращаться, но совсем не имела подходящего опыта и сейчас лихорадочно думала, как теперь поступить, чем помочь? Была бы на ее месте Радогнева Любшанка – уж она бы живо приструнила распоясавшихся духов! Но бабка сама уже года три как переселилась в Ирий, и Дивляна могла надеяться лишь на то, что Огнедева, чье имя она носит, не оставит свое земное подобие и научит, как помочь беде.

Глава 2

– А где теперь эта клюка? – спросила Дивляна, и боясь, и желая увидеть своими глазами вместилище грозных неуправляемых духов.

– Вот пойдем, покажу. – Жена Милоума знаком позвала ее за собой.

Миновав несколько изб, она привела гостью к покосившемуся строению, имевшему заброшенный вид. Соломенная крыша давно не подправлялась, под стенами обильно росла трава, и не виднелось никаких признаков обитаемого жилья – только старый засохший веноч под окошком, оставшийся, как видно, от последней Купалы.

– Жил тут Новила со своими. – Милоумова хозяйка неопределенно повела рукой. – Да в тот мор, спасите чур, повымерли они – и Новила, и жена... сестра моя была... и детки... трое. Так и стоит изба. Хотел было Домилко жить, как женился, да отец ему сказал: нечего велсов дразнить, лучше новую поставить...

Дивляна прижала ладонь к мешочку, пришитому к исподнему поясу, – в нем хранился один из тех оберегов, которыми ее снабдили в далекую опасную дорогу мать и прочие родственницы. Значит, здесь, в вымершей избе, хранят клюку Кручининых? Но как же – ведь сказали, что она сама возвращается на могилу прежней хозяйки...

Но спросить о чем-либо Дивляна не успела – женщина толкнула низкую дверь и вошла, позвав ее за собой. Придерживаясь за косяк, Дивляна опасливо спутилась по трем ступенькам и оказалась в темных сенях. Пахло затхлостью и заброшенностью, по углам валялся грязный, запыленный хлам – и не поймешь, что такое.

– Ну, как тут? – раздался впереди голос женщины.

Кто-то что-то ей ответил, но тихо и неразборчиво. «Уж не с духами ли она говорит?» – в испуге подумала Дивляна, но покачала головой: едва ли Милоумова хозяйка это умеет. Переступив порог истобки, она застыла у порога, после светлого дня ничего не видя. Двери она закрывать за собой не стала и в свете снаружи вскоре разглядела небольшую избу: стол и лавки, печка в углу. Возле одной из лавок стояли две женщины: Милоумиха и другая, постарше.

– Или сюда, Солнцедева. – Милоумиха обернулась и поманила ее. – Вот, посмотри.

Она кивнула в сторону печи. Подойдя ближе, Дивляна заметила, что между печью и стеной устроена лежанка. Запечье считается самым лучшим местом в избе – и тепло, и не дует, и к чурам поближе. На лежанке кто-то был... похоже, мужчина. Довольно молодой, насколько она могла рассмотреть в полутьме. Но при ее появлении он даже не обернулся, не пошевелился – видно, спал. На краю лавки Дивляна заметила большой моток толстых веревок и мимоходом удивилась: это еще зачем?

– Вот клюка! – Милоумиха показала на пол, и Дивляна, глянув вниз, в испуге отпрянула – она едва не споткнулась о наследство Кручининых!

Клюка лежала перед запечьем, прямо у нее под ногами. Не слишком длинная – бабка, надо думать, роста под старость была невысокого, – кривая, из светло-желтого можжевелевого ствола с комлем, она за много лет использования была отполирована жесткими бабкиными ладонями и блестела, будто смазанная маслом. В наверху виднелась грубо вырезанная бородастая голова – когда Кручининых при ходьбе опиралась на клюку, чур смотрел вперед. На вид ничего особенного в ней не было, но Дивляна содрогнулась, всем существом ощутив мощный поток силы, исходящий от клюки. И силы тревожной, недружелюбной.

– Почему она здесь? – С трудом оторвав взгляд от клюки, Дивляна подняла глаза на Милоумиху. – И кто это здесь? – Она кивнула на неподвижного мужчину.

– Это из-за него. – Милоумиха тоже кивнула. – К нему бабкина клюка и пришла.

– Кто это? Он ваш? – полуутвердительно произнесла Дивляна. С одной стороны, из своих никто в выморочной избе жить не мог, но с другой, чужих сюда вообще не пустили бы.

– Не так чтобы наш... Но и не чужой. Родич он дальний. Синеличам и бабке. Это Ольгимонт, Минтаров сын, а мать его – княгиня Колпита, князя Громши старшая жена.

Дивляна опешила, едва веря ушам. Это – сын княгини смолян? Или князя Громши? Она еще плохо разбиралась в родственных связях местных кривичских правителей, но все же заставить княжеского сына в запечье какого-то села никак не ожидала.

«Белотуру следует об этом знать!» – было первое, о чем она подумала. Но перед этим следовало все выяснить самой, и она приступила к подробным расспросам. Милоумиха сперва отвечала неохотно, опасаясь, что сами разговоры о таких вещах навлекут на род зло, но уверенный вид Дивляны скоро побудил ее к откровенности, и она пустилась в объяснения с все большей охотой, стремясь и надеясь переложить ответственность на кого-то другого. А кто подошел бы для этого лучше, чем Солнечная Дева?

Молодой князь Ольгимонт был сыном княгиня Колпиты от ее первого мужа, по имени Минтар. Тот происходил из коренной голядской знати, правившей в этих краях еще до того, как здесь появились первые насельники словенского языка. Сперва словены сами платили голяди дань за право жить на ее землях, но их становилось все больше, собственная словенская знать окрепла и понемногу начала подчинять себе и саму голядь. Оба племени жили довольно мирно, смешиваясь в одних и тех же поселениях, но князья кривичей и голяди, случалось, сражались между собой за право взимать дань с этих смешанных родов. Последний спор такого рода в верховьях Ловати произошел более двадцати лет назад. Смолянский князь Удача, родом с верхнего Днепра, победил князя Минтара, взял в плен его молодую жену с маленьким ребенком и отдал своему сыну, княжичу Громолюду. Вся голядь и кривичи с верховьев Ловати перешли под руку Удачи, а после его смерти – Громолюда. Ольгимонт Минтарович, не помнивший родного отца, вырос как сын Громолюды и считался его наследником – что приветствовали и кривичи, и смоляне, и голядь. А пока князь Громша был жив и крепок, сын возглавлял его дружину.

Сюда он приехал сразу после смерти бабки Кручинихи, но с этой смертью его приезд никак не был связан. Не все голядские роды признали власть Громолюды, и иные из них сопротивлялись до сих пор. Особенно выделялся род старого Тарвила – древний, знатный и многочисленный. Он принадлежал к так называемой «сторонней», иначе «дикой голяди». Жила-то «дикая голядь» не хуже прочих и невыделанных шкур не носила, строила избы с печами-каменками, разводила скот, пахала пашни и сеяла жито, ковала железо и отливала бронзу, но при том крепко держалась своего языка, обычаев и сторонилась чужаков. Иные из этих родов жили в городках, за крепкими частоколами на валах, которые их предко возвели несколько веков назад для защиты от словенских пришельцев. Не желая родниться со словенскими, которые все плотнее окружали своими весями их угодья, женихи «дикой голяди» бывали вынуждены ездить за невестами своей крови очень далеко, но тех из своих, кто смешал кровь со словенской, презирали и ненавидели еще сильнее, чем самих словен.

В последние годы родичи Тарвила, собрав под свою руку еще несколько родов «дикой голяди», не раз устраивали набег за ближайший волок между Ловатью и озером Умень. Объявив эту землю своими наследственными угодьями, они требовали с торговых гостей право за проезд, силой брали дань с местных жителей, а если кто сопротивлялся – жгли дома, захватывали скот и товары, истребляли и уводили в плен людей. Последний такой случай был только этим летом, и потому князь Громолюда приказал сыну собрать дружину и пресечь разбой.

Молодой князь Ольгимонт с дружиной из тридцати отроков приехал в Межу, чтобы предотвратить новый набег и грабеж, если появятся торговые гости с севера. И успел почти сразу после похорон Кручинихи. Кручиниха находилась с князем Минтаром в отдаленном родстве, и из уважения к кровной родне Ольгимонта пустили в село переночевать и угостили поминальными пирогами. И в первую же ночь горько пожалели об этом! Среди ночи Ольгимонт поднялся, схватил хозяйскую козу, которую на ночь загоняли в избу, свернул ей шею,

прокусил горло, стал разбрызгивать кровь и внутренности из разорванного брюха по избе! Хозяева, разумеется, проснулись от шума и с воплями кинулись прочь. Соседи и родичи, сбегавшись со всех сторон в одном исподнем, запалили огни, вооружились кто чем, но и мужчины, взглянув на молодого князя, чуть не бросились бежать – так жуток он был, весь залитый кровью, с дико выпученными глазами и оскаленными зубами.

– Мяса! Крови! Мы голодны, голодны! – ревел он диким голосом, все время разным – то глухим и низким, то высоким и тонким, будто в него вселился разом десяток синцов да игрецов. – Покормите нас! Покормите! Это наша еда! Отдайте! А не то мы сами возьмем! Сами возьмем!

Наконец Невида угостил его длинной и тяжелой дубиной по голове и князь Ольгимонт рухнул без чувств. Его могли бы убить на месте, но не решились – как ни были все потрясены и напуганы, поначалу страх удержал, а потом хватило ума сообразить: молодым князем завладела духи и, если убить его, они бросят мертвое тело и найдут себе новую жертву. Поэтому гостя наскоро обмыли от крови, связали и оставили в заброшенной избе.

А утром обнаружили, что знаменитая бабкина клюка лежит возле него. Как она туда попала – никто не знал. Уж, наверное, ни у кого не хватило бы смелости ее сюда нести, а значит, сами беспризорные духи перенесли свое вместилище!

Рассвет Межа встретила в ужасе и растерянности. Хорошо, что буйному князю попалась под руку коза, – а ведь мог и человек оказаться. Хозяевам совершенно не хотелось оставлять у себя одержимого злыми духами, но страшно было подумать, что будет, когда обо всем узнают князь и княгиня, – их, Кореничей и Синеличей, обвинят в том, что они навели жуткую порчу на их наследника, извели, погубили! И будут почти правы – ведь от них, Кореничей, от покойной Кручинихи пришла к нему такая напасть. Известно, что снять порчу может только тот, кто ее навел, но если порча явилась от Кручинихи, а та мертва – как же теперь быть? Кто поможет?

Дружина самого Ольгимонта, обо всем узнав, впала в не меньший ужас. А он так и не вернулся в чувство – лежал, его била лихорадка, иногда он выкрикивал что-то бессвязное – и каждый раз другим голосом. На ночь его оставили сторожить трое сильных мужчин из дружины – и снова в полночь он поднялся и набросился на своего ближайшего товарища, не узнавая того, и попытался перегрызть горло. Пришлось снова оглушить и связать князя.

Никто не знал, что делать. Везти его в таком состоянии домой было страшно. Посовещавшись, женщины придумали достать сон-травы из запасов Кручинихи, сделали отвар и напоили им князя, а также положили сон-траву ему в изголовье. Буйствовать он перестал, но и на третью ночь его связали. Днем его удалось накормить, напоить, умыть, он смог подняться и выйти во двор, ведомый под руки, но явно не понимал, где он и что с ним, будто спал с открытыми глазами. Его отроки поначалу боялись даже сообщить родителям, опасаясь обвинения, что не уберегли молодого князя, но теперь делать было нечего. Сушина, оставшийся старшим в дружине, решил сегодня послать гонца к княгине. Если кто и сумеет изгнать духов, то разве что мать Ольгимонта, наследница мудрости древних жриц и колдуний голядского племени.

Трое товарищей, стороживших его в эту ночь, уже ушли отдыхать – дружина Ольгимонта устроила стан поодаль от села. Днем с ним сидела одна из женщин, всегда готовая позвать на помощь.

– И мы так себе рассуждаем, – окончила длинный и пугающий рассказ Милоумиха, – видно, духи-то бабкины не всякого себе хозяина хотят. Никому из наших ее клюка в руки не давалась, сама уходила. А к князю молодому пришла! Стало быть, выбрали его духи.

– Так и есть. – Дивляна задумчиво кивнула. – И это у него теперь «волховской недуг»... Так всегда бывает, когда человек хочет волховом стать и духами управлять учится. Или не хочет, а они сами его находят. Только обычно другой, старший волхв, помогает, чтобы все обошлось. А ему помогать некому, и, похоже, не хочет он, противится. Вот духи и мучают его.

Она подошла поближе и, с трудом одолевая жуть, наклонилась над лежащим. Князь Ольгимонт выглядел ровесником Велема – ему было чуть за двадцать. Довольно красивый мужчина, как отметила Дивляна, – продолговатое лицо с резко очерченными скулами и маленькой светлой бородкой, светлые волосы, слипшиеся от пота и перепутанные. Ей показалось, что в бороде и на прядях волос застыло что-то темное – наверное, кровь той злополучной козы, и Дивляна снова содрогнулась.

– Кроме сон-травы, что-то ему давали? – спросила она, стараясь скрыть дрожь и держаться увереннее.

Она видела, что от нее ждут совета и помощи, но никогда в жизни ей не приходилось давать советы кому-то старше себя. В Ладогe было много знающих женщин: ее бабка Радогнева Любшанка, знаменитая на всю округу зелейница и волхва, прямая наследница всей мудрости старшего рода, ее дочери вставить — Милорада, мать Дивляны, с сестрой Велерадой, а еще Солога, жена волхва Святобора, и Олова, сестра Милорадиного отца, варяжская ворожея, которая разговаривала с руническими косточками, ставами, как с живыми существами и каждый день получала от них мудрый совет. Бабка Вельямара, чудинка бабка Вихрея, да и другие еще... Дивляну и ее сестер, разумеется, обучали и травам, и всем видам гадания, но ей слишком редко приходилось самой применять свои знания – всегда рядом находился кто-то старше и мудрее, способный помочь, принять решение и посоветовать.

Теперь же никого из них рядом не было. Бабка Кручиниха, как оказалось, не ждала скорой смерти и не готовила себе преемницу. Только Росуля, младшая дочка Милоума, иногда ходила с ней собирать травы, но в свои восемь лет еще мало что знала. Остальные женщины умели сделать отвар от простуды или примочку для ран или порезов, но против духов были совершенно бессильны.

И все же Дивляна не спешила признаться в своей растерянности. Где-то в глубине души жило убеждение, что она знает, как помочь. Нужно только успокоиться, собраться, взять себя в руки и хорошо подумать. Ведь она не какой-нибудь в поле обсевок! Она – наследница Любшичей, рода, жившего над Волховом почти четыре века и давшего местным словенам немало князей и волхвов. Она получила по наследству знания многих поколений словен и варягов, знания, которые сделали ее пригодной для того, чтобы стать княгиней полян, а значит, старшей жрицей, матерью и покровительницей целого племени. Да, ей всего шестнадцать, она юна и неопытна. Но она – Огнедева. Боги избрали ее, а значит, посчитали сильной. Когда-то же ей надо начинать. Так почему не сейчас?

– Что же ему дать? – Милоумиха развела руками. – Сон-трава духов умирят, и то мы ее едва нашли, Росуля показала. Мы и не знаем, где у бабки что было, она ведь не давала никому в свои дела нос совать. Хотели было с ней на краду положить все ее припасы, что она с Купалы собирала да сушила, однако умные люди отсоветовали – если столько трав чародейных разом сжечь, это Мер-гору перевернуть можно!

– Это вы правильно рассудили! – одобрила Дивляна. – Но ее запасы трав сохранились?

– Никто не трогал, так все и лежит, как при ней было. Мы пока не решили – то ли жить кому в ее избе, то ли пусть так стоит. Из пожитков, что от нее осталось, все на месте.

– Проводи меня туда. – Дивляна бросила последний взгляд на бесчувственного Ольгимонта и пошла наружу, к дневному свету.

– Покормите нас! – вдруг раздался вслед ей вопль – низкий и глухой, будто из-под земли.

Дивляна содрогнулась от неожиданности и вцепилась в дверной косяк. Теперь она на себе ощутила то, что так пугало людей – этот голос, хоть и исходил из уст человека, никак не мог принадлежать ему. Это был крик неведомого духа – озлобленного и голодного, и от него мороз продирали по коже.

– Мать Макошь! Днем уже голос подают, проклятушие! – Обе женщины всплеснули руками и рванулись к дверям.

Но Ольгимонт не гнался за ними – только дернулся и застонал сквозь зубы.

– Пусть кто-то один останется, – велела Дивляна, не отрывая глаз от лежащего, — и позовите мужчин.

– Я позову. – Милоумиха кивнула и торопливо поднялась по ступенькам. – Сейчас...

Выйдя из избы, Дивляна сразу наткнулась на Белотура – он искал ее. Она хотела рассказать ему про Ольгимонта, но он уже обо всем знал. Еще утром обе дружины, разумеется, обнаружили друг друга, и Белотур успел переговорить с Сушиной. Зная, что здесь происходит, он считал нужным как можно скорее уехать, пока чужие дикие духи не прицепились к Аскольдовой невесте и ее спутникам.

– Сама знаешь – к тебе сейчас любая пакость прилипнет! – говорил он, когда Милоумиха вела их к избе, где еще недавно жила в одиночестве бабка Кручиниха. – Тебе и людей-то чужих лучше не видеть, а здесь игрецы! Да еще буйные, голодные! Поедем отсюда, а то не вышло бы какого зла!

– И что мы скажем князю Громолюду? – Дивляна посмотрела на него. – Что видели его сына и наследника и оставили его игрецам на растерзание? Другом нам он после этого будет? Или нам его дружба не нужна? Или нам через его земли не ехать, или гостям торговым нашим через верхний Днепр не ездить? Зачем тогда... это все?

Она слегка развела руками, под «этим всем» имея в виду свое обручение с князем Аскольдом, расставание с домом и родичами, поездку в чужую землю, разлуку с Вольгой... Она решила на эти жертвы ради того, чтобы между Волховом и средним Днепром был налажен торговый путь, выгодный всем племенам. Но для этого нужно, чтобы мир был на всем его протяжении, а миновать верхний Днепр, важнейший узел этого пути, никак не получится.

– Так-то оно так... – Белотур снял шапку, запустил руку в густые светлые волосы и поерошил, будто разгоняя мысли. – Но ты – невеста, тебе под паволокой надо сидеть...

– Я – Огнедева.

– Ты не обязана Громше помогать! У него жена есть, сама колдунья, а князь Ольгимонт – ее сын.

– Зато если я ему помогу, князь Громша будет обязан мне... А что ты говоришь, де я не должна... Нет, мой деверь дорогой! – Дивляна уверенно взглянула ему в глаза. Для этого ей приходилось сильно задирать голову, но она вдруг преисполнилась уверенностью в своей правоте и не робела. – Я – Огнедева. И как солнце равно всем светит и греет, так и я должна всем помогать, кому сумею. Кому сила дана, тому дана и обязанность. Солнце не может выбирать, кому светить, и я не могу мимо беды пройти – иначе Огнедева покинет меня. И кого ты брату привезешь тогда?

– Самую красивую девушку, что по земле под солнцем ходит, – тихо ответил Белотур, и по глазам его было видно, что ему бы и этого было достаточно.

– Красивых дев и у вас там хватает. – Дивляна смутилась и отвела взгляд. – А за тридцать земель только за чудесной невестой ездят, ведь так?

– Да уж, заехали мы в кошуну – и не заметили как... – Белотур согласно вздохнул и вслед за Дивляной пошел к двери в бабкину избу, где их уже ждала на пороге Милоумиха.

В избе было очень чисто, все тщательно прибрано – женщины постарались, когда хозяйка навсегда покинула земное жилье. Ровным рядом выстроились вокруг печи разноцветные горшки и миски – с бабкой на краду отправились всего один или два, – стояла прялка, разобраный ткацкий стан в углу, ларь с пожитками и другой – с травами. Пучки трав висели везде на балках – сохли те, что были собраны этим летом на Купалу. В избе стоял густой травяной запах, от которого першило в горле. На столе, покрытом скатертью с погребальными узорами, были выставлены поминальная каша и кисель в горшках, блины в миске – все засохшее.

– Вот оно, все ее богатство. – Милоумиха, видно неуютно себя чувствовавшая здесь, неуверенно развела руками. При этом она невольно озиралась, словно ждала увидеть где-

нибудь на лавке или у печи призрак бабки. И понятно – та умерла слишком недавно, чтобы уйти окончательно. – Вот здесь сряды ее – бабка богатая у нас была, одних понева семь наткала себе. А вот здесь травы ее, ну и это все... Смотри, что тебе надо. Если что варить будешь – здесь и вари, не надо в жилое носить... как бы чего не вышло...

– Спасибо, я разберусь.

Дивляна, не заставшая Кручиниху в живых, не испытывала перед ней такого трепета и не боялась прикоснуться к ее наследству. Милоумиха с явным облегчением ушла, а Дивляна открыла ларь и принялась разбирать льняные и кожаные мешки с травами и кореньями. Поднося один или другой к носу, она по запаху определяла, что в нем лежит, и с радостью убедилась, что из нескольких десятков мешочков незнакомым ей показалось содержимое только двух или трех.

Не зря все-таки бабка Радогнева с самого детства каждое лето водила ее с собой в лес и учила отличать одну траву от другой, втолковывала, от чего они помогают и как их применять. Даже говорила, развлекая непоседливую ученицу, разными голосами за разные травы: за одну тоненьким голоском: «Я трава зверобой, добра я от удара и убоя!». А в другой раз низким и густым голосом: «Я – трава ужевник, и кого какая гадина укусит, я весь яд выгоню из человека, и будет здоров!». Радогнева уверяла внушек, что сами травы говорят ей это, а она только повторяет. Яромила подтверждала, что слышит голоса трав. А Дивляна не слышала и не притворялась, но честно старалась запомнить. Правда, надолго ее прилежания не хватало...

Нужное она откладывала в сторону. Как отогнать духов от князя Ольгимонта, она пока не знала, но ей было совершенно ясно, что нужно поддержать его силы и помочь ему самому бороться с захватчиками. «Всякая болезнь свое зелие имеет», – как наяву слышала она голос бабки Радогневой. И сам собой вспоминался состав, который Радогнева называла «девяти сильным» – его травы укрепляют тело и дух и помогают прогнать порчу. Для него нужны девять сильных трав: боронец-трава, былей-трава, девясил, трава лазорь, золотуха, перекоп, пострел, ревелка и, самое главное – волотова голова. Розовые метелки травы ревелки висели на матице прямо над ларем, но волотову голову Дивляна искала долго и даже испугалась: если ее нет, остальные восемь без нее не подействуют. А идти за ней в лес уже поздно: волотову голову берут только на Купалу. Лишь на самом дне ларя обнаружился мешочек с высохшими корешками, похожими на голову с бородой: поэтому волотову голову еще называют «дедова борода». С облегчением Дивляна отложила мешочек к остальным отобраным – теперь все нужное есть.

– Что ты будешь делать? – спросил Белотур, с любопытством наблюдавший за ее действиями.

– Отвар сделаю и буду его трижды в день поить. Если порчу не выгоню, то хоть помогу силы поддержать. В ком духи, тот ведь погибнет, если их не выгнать: его кормят, а ему не достается, все духи сами и съедают. А здесь еще ревелка есть. Эта трава такое свойство имеет, что если испорченного напоить ее отваром, то дух в нем скажет, кто его наслал. А если знаешь, кто твой враг, с ним ведь уже легче бороться, верно?

– Да ты, я смотрю, воевода! – Белотур улыбнулся, глядя на нее с такой нежностью, что Дивляна смутилась и опустила глаза, подавив улыбку.

– Пока нет. Но бабка Радуша меня учила: и лихая порча, и черная немочь, и всякое зло изгоняется травой, огнем и водой. Их сила все соки человека в согласие приводит, и здоровье к нему возвращается.

Она оглядела горшки возле очага, выбирая подходящий. В это время в сенях послышалось неуверенное движение, дверь медленно отворилась и на пороге появилась охапка наколотых чурочек, из-под которых виднелся подол рубашки и две маленькие ножки.

– Ты будешь делать отвар, да? – раздался знакомый голос, и Дивляна увидела над охапкой чурочек личико Росули. – Я принесла чем огонь разжечь. А воду надо взять из трех ключей, так сильнее будет. Я знаю, где баба брала воду. Хочешь, покажу?

Сложившееся в Меже обыкновение не пускать чужаков было нарушено: после того как Огнедева взялась исцелить князя Ольгимонта, Кореничи и Синеличи и сами не хотели ее отпускать, чувствуя, что теперь она защищает их от зловредных и буйных духов. А Белотур, Велем и братья так же решительно отказались оставить Огнедеву одну среди чужих, поэтому хозяевам поневоле пришлось найти в своих избах место еще для двух десятков пришлых. Дивляна устроилась на ночь в избе Милоума, на полатах среди его подрастающих детей; Велем, Радобож и Селяня легли на полу; Белотур и прочие устроились на сеновале, в хлеву и в ближайших избах по соседству.

За день Дивляна приготовила «девятисильный» отвар и трижды напоила им Ольгимонта. В первый раз он не хотел пить, отталкивал ковшик, проливал на себя и корчился, будто его обдавали кипятком, хотя отвар был чуть теплым. Ничего удивительного: духи сопротивлялись тому, что помогало человеку противостоять им. Зато второй и третий раз Ольгимонт пил гораздо охотнее, и хотя в себя так и не пришел, все же Дивляна усмотрела в этом первые признаки того, что она на верном пути.

Но едва ли «девятисильного» отвара будет достаточно, чтобы совсем избавить князя Ольгимонта от власти духов. Засыпая, Дивляна напряженно раздумывала, вспоминая все, чему ее учили. Есть сотни трав, каждая из которых имеет свое действие, и довольно многие имеют силу изгонять духов и снимать порчу – и перелом-трава, и одолень-трава, и жар-цвет. Но настолько сильных трав она в бабкиных запасах не нашла, а идти искать их уже поздно: они показываются и входят в силу только на Купалу. Нужно выбрать что-то такое, что доступно сейчас...

Целый день Дивляна возилась с травами и думала о травах, и неудивительно, что стебли, листья и цветы носились перед ее внутренним взором, стоило ей лишь закрыть глаза. Она и не заметила, как уснула, но вдруг засохшие стебельки, выпцветшие метелки, скрюченные сухие листики перед глазами посвежели, налились соком, наполнились яркой зеленью и живыми весенними красками. Перед ней волновалось целое море трав и цветов, будто расстился пышный луг, по которому гуляет сама богиня Лада.

– Боронец, а еще зовут ее жигучка, – над всеми травами трава, угодная во всяких болезнях, пригодная от всякой нечисти, – слышала она голос Радогневы, и казалось, что сама бабка стоит где-то рядом, за плечом, но не получалось обернуться и увидеть ее. – Врачует она и нутряные болезни, и уразы, и лихорадки, и если голова болит, и от укусов змей либо зверей помогает, от ломоты в костях, от зубных скорбей. А если хочешь кого от порчи уберечь, то сплети из боронец-травы три плетня и надень на чело, на грудь и на пояс – тогда она от зла оборонит. И траву-зверобой не забудь: с боронец-травой они дружат, одна другой помощь подают и вместе вдвое сильнее делаются...

– Я помню. Спасибо тебе, бабушка... – хотела сказать Дивляна, но почему-то не могла открыть рта, не могла издать ни звука.

Что-то вдруг толкнуло ее, она выпала из мира зеленых волнующихся трав, едва успев разглядеть то, что невидимая советчица ей показывала, – и будто рухнула в темноту. Догорала внизу одинокая лучина – люди теперь боялись засыпать без света и оставляли лучину над лоханью, пока все не улягутся, – и Дивляна чувствовала, что рядом с ней кто-то шевелится. Занавеска на полатах была отодвинута, а Росуля, которая весь этот день хвостиком ходила за Дивляной и на ночь устроилась у нее под боком, деловито слезала по лесенке, сколоченной Милоумом для младших детей.

– Росуля, куда ты? – полушепотом окликнула ее Дивляна.

Казалось бы, чего такого – понадобилось ребенку выйти по нужде. Но Росуля не ответила, даже не обернулась на ее голос. Вот она спустилась на пол и там столкнулась со старшим братом – четырнадцатилетним Хмелиней, который спал на одной из лавок. От этого толчка

они остановились и принялись топтаться на месте, будто слепые, и Дивляна заметила, что у подростка закрыты глаза!

– Куда вы собрались оба? – в полный голос тревожно окликнула она, с холодом в груди понимая, что уже знает ответ.

На дальнем конце полатей зашевелился кто-то еще, и Дивляна увидела, что и старшая сестра Росули, десятилетняя Гражуля, на четвереньках ползет к лесенке – наступая на подол собственной сорочки и спотыкаясь. Растрепавшиеся волосы падали ей на глаза, она ничего не видела, но это ее нисколько не смущало.

– Что с тобой? – Дивляна схватила ее за руку.

Но девочка не заметила и продолжала ползти. Глаза ее под волосами были закрыты. Она не видела, что ее держат, и двигалась, будто ползет, не чувствуя, что остается на месте.

А внизу скрипнула дверь – Росуля и Хмелиня уже добрались до порога. Встав на колени, пригнув голову на низких полотах, Дивляна с силой запихнула Гражулю подальше в угол, а сама мигом скатилась вниз.

– Вставайте! – закричала она. – Проснитесь! Они уходят! Они опять уходят!

Второй Милоумов сын – самый старший был женат и жил отдельно, – пятнадцатилетний Прокша, тоже поднялся и шел к двери. При этом он спотыкался о лежащих на полу, но никто из них не просыпался. Дивляна на миг растерялась – то ли ловить уходящих детей, то ли будить спящих взрослых? Почему никто, кроме нее, их не слышит? А за спиной раздавался шорох – Гражуля снова выбралась и лезла по лесенке вниз... Будто жуки или муравьи, в своем слепом неудержимом стремлении Милоумовы отпрыски, не просыпаясь, шли на зов, слышимый им одним.

По избе тянуло холодом. Но это была не просто прохлада ночи, не сквозняк от раскрытой двери. Дивляна ощущала вокруг себя движение тонких, словно живых струек холодного воздуха – они скользили, будто невидимые летучие змейки, обвивали людей, тыкались в нее саму холодными жадными носами и отскакивали.

Осознав, кто именно снует вокруг нее, Дивляна быстро сжала в ладони мешочек на поясе. Там лежал один из главных ее оберегов, которым снабдила ее мать и велела никогда не снимать, пришить к исподнему поясу, а тот не развязывать никогда до самой ночи после свадьбы. В мешочке лежал корень травы, называемой солонокрес – одной из самых могучих волшебных трав, одной из тех, кого называют княж-травой. Не перечислить ее полезных свойств: солонокрес приносит счастье, отпугивает нечисть и всякое зло, оберегает женское здоровье и дает плодovitость, снимает порчу, охраняет силу своего владельца, в том числе и чародейную силу. Нет оберега более полезного для невесты, будущей жены, будущей княгини. Но не каждому княж-трава солонокрес дается в руки: одному покажется, а другому нет. Только одну неделю в году, от Купалы и еще шесть дней после, появляется над землей стебель солонокреса – не зеленый, а белый, увенчанный багряно-алым цветком. Если брать его неумеючи, не ведаючи и не знаячи, уйдет корень в землю – хоть десять локтей рой, не дороешься до него.

Милорада нашла солонокрес прошедшим летом, в последний из указанных дней, и, строго соблюдая обряд, вырыла крестообразный корень. Потом, когда Дивляну сговорили и собирали в дальний путь к жениху, мать ее поняла, что боги, все знающие наперед, послали ей солонокрес, чтобы она передала его своей дочери-Огнедеве. Дивляна выполняла наказ матери никогда не расставаться с оберегом и теперь снова с благодарностью вспомнила о нем. Благодаря солонокресу она была недоступна для снующих вокруг духов и всех наведенных ими чар. Но что она сделает одна?

Трое детей Милоума уже скрылись за дверью, только Гражуля все лезла с полатей. Дивляна огляделась – лучина прощально замигала, сейчас она погаснет, и...

Схватив ковш, Дивляна торопливо зачерпнула из той же лохани и вылила на голову Велема, который спал на полу ближе всех. Велем вскрикнул во сне от неожиданности и

проснулся, резко сел, одной рукой стирая воду с глаз, второй хватаясь за топор – в чужом месте каждый оружие держал возле себя.

А Дивляна еще два раза зачерпнула из лохани, вылила воду на Селяню и на Радобожа и теперь с третьим ковшом торопилась к занавеске, за которой спали сами хозяева.

– Они уходят! Дети уходят! Ловите их, ловите! – кричала она во весь голос. – Велько! Селяня! Вставайте живо, ловите их, они ушли!

Хозяйка проснулась почти сразу – охнула, села и совершенно осмысленно заторопилась – будто утреннюю дойку проспала. Она мгновенно поняла, что происходит, и как была – босая и простоволосая, в одной сорочке – кинулась наружу. Было не до приборов – ее дети уходили на жальник, куда звали их голодные и жаждущие крови духи!

Дивляна вылила еще ковш на хозяина, несколько раз встряхнула его, а когда он сел, протирая глаза, кинулась вслед за хозяйкой. Селяня уже убежал, а Велем перехватил Дивляну на полпути к двери и сжал ее плечи:

– Ты куда?

– Детей ловить! Бежим, Велько, их же всех манят! А взрослые спят!

Может, Велем сомневался в том, что именно его сестра должна ловить чужих детей, но поддался ее порыву — храбрый и решительный, быстро соображающий, он видел, что ее не удержать, а значит, надо ей помочь.

Дивляна оказалась права – выбравшись наружу, они в этом убедились. С чистого неба светила полная луна и бесчисленные звезды, и при их свете легко было заметить множество фигурок в белых рубашках, поменьше и побольше. Мальчики и девочки, от трехлетних до почти уже взрослых, с закрытыми глазами, босые, с падающими на лица растрепанными волосами, шли небыстро, но уверенно, все в одну сторону. Старшие вели за руку ковыляющих младших – те спотыкались, падали, но старшие ничего не замечали и продолжали их тянуть за собой, а те, не плача, поднимались и снова шли.

Растопырив руки, будто собиралась пугать кур, Дивляна кинулась наперерез ближайшим. Она хватала детей за плечи, тормошила, звала. И те просыпались – открывали глаза, смотрели на нее сперва в бессмысленном испуге, а потом уже разумно; оглядывались, обнимали себя за плечи, ежились, не понимая, как сюда попали.

Но будить детей получалось только у Дивляны. Милоумиха, поймав в объятия Гражулю, трясла ее и звала, но девочка не просыпалась и даже продолжала шевелить ногами в воздухе, будто шла, не замечая, что ноги ее не касаются земли. Только когда Дивляна тронула ее за лоб и назвала по имени, девочка очнулась, взглянула на мать и, обхватив ее за шею в поисках защиты, зарыдала навзрыд.

Велем и Селяня успели как-то разбудить еще нескольких человек, те будили товарищей и хозяев, и взрослых перед избами становилось все больше. Колога держал двух девочек за руки и тряс их, но не мог заставить очнуться; мимо него прошел спящий мальчик, и Колога выругался, не зная, как быть – этих отпустить, уйдут, хоть зубами хватай! Кто-то уже скрылся в ночи, и взрослые, недосчитавшись своих отпрысков, запасались факелами и бежали в сторону жальника – теперь не сомневаясь, куда уходят их зачарованные дети.

Но не только с детьми было неладно. Из выморочной избы, где лежал Ольгимонт, доносились крики. Двоих смолян, сидевших с ним ночью, тоже одолел сон. Зато сам молодой князь ужом вывернулся из веревок, которыми его прикрутили к лежанке, и пытался уйти. Проснувшийся Сушина хотел его остановить, но Ольгимонт, подхватив неотвязную бабкину клюку, тяжелым навалившимся разбил головы Сушине и Званцу и вырвался из избы наружу.

Там на него и наскочила Дивляна. Ольгимонт был страшен – растрепанный, с закрытыми глазами и клюкой в руках, которую он держал за тонкий нижний конец, размахивая навалившимся, будто дубиной, он прорывался туда же – к жальнику. Даже те из обитателей Межи, кто не ловил

своих детей, не решались к нему подступиться – напротив, увидев порченного, вновь впавшего в буйство, люди разбегались.

К счастью, обе дружины ночевали не в самом селе, а поодаль и не попали под действие сонных чар. Обе также выставляли дозорных на ночь, и те сразу заметили, когда перед избами поднялся переполох – замелькали огни и зазвучали крики. Поднявшись и расхватав оружие, ладожане, поляне и смоляне с разных сторон кинулись к селу.

Увидев совсем близко от себя Ольгимонта, Дивляна растерялась и на миг застыла. По его закрытым глазам и размашистым, неверным, но мощным движениям она понимала, что им вновь владеют духи. Но что она могла сделать прямо сейчас? Она еще не подготовилась к этой борьбе и даже не успела осмыслить те советы, которые получила от приснившейся бабки Радогневы. А что-то делать надо, не откладывая!

– А ну стой! – Перед ней вдруг выросла спина Велема. Держа длинное копье, он загородил сестру, нацелив острие прямо на Ольгимонта.

Велема догоняли братья и прочие гриди, тоже с копьями, выстраивались в ряд, закрывая собой Дивляну. Ольгимонт не мог видеть их, но духи в нем почуяли рядом острое железо и остановили свою жертву. Молодой князь будто споткнулся, потом подался назад и стал яростно кричать на разные голоса – сзади тоже были копья. Началась настоящая свалка: поляне и ладожане окружили Ольгимонта, выставив копья и не давая буйному приблизиться, его собственная смолянская дружина, вдруг увидев своего князя на ногах и не поняв, что происходит, посчитала его в опасности и бросилась на выручку. Орал что-то Белотур, орал и Сушина, весь залитый кровью из разбитого лба и сам страшный, как мертвец. И кричал, вопил, выл, стонал на десятки разных голосов сам Ольгимонт – тонких и густых, высоких и низких, мужских и женских, ревуших, скрипучих, визгливых... Он вертелся, будто медведь, выгнанный из берлоги и окруженный ловцами, – куда ни глянь, везде оскаленные морды собак и жала рогатин. Мечась в поисках выхода из круга, он наткнулся на острия, и вся белая рубаха уже была покрыта пятнами от его собственной крови. И каждый раз, когда он касался острия, из него рвались новые вопли – такие дикие и пронзительные, какие никак не может издавать человек, пусть даже раненный железом.

Дивляна невольно зажала уши, дрожа крупной дрожью и стуча зубами от ужаса. Нужно было это остановить, но как? Ольгимонт или наткнется на копье и погибнет, или его люди вот-вот бросятся с оружием на кметей Белотура, и тогда здесь произойдет побоище, бессмысленное и кровавое, и злобные духи получат обильную пищу...

– Стойте! – закричала она изо всех сил, больше не способная это выносить. – Приказываю вам, остановитесь!

Она сама не могла бы сказать, к людям обращается или к духам. Но ответили ей духи.

– Кто? – взвизгнул Ольгимонт высоким пронзительным голосом.

– Говорит? – продолжал он уже другим, похожим на медвежий рев.

– С нами? – скрипнул третий голос, будто разохшаяся дверь.

– Кто?

– Приказывает?

– Нам?

– Я – Огнедева! – крикнула Дивляна. – Именем Матери Сырой Земли, именем Макоши, Лады и Лели, силой девяти сильных трав и десятой – княж-травы солонокрес, я приказываю вам – убирайтесь прочь!

На миг все затихло, будто враз заложило уши. А Дивляне этот миг показался долгим, как целая ночь. Что-то огромное и темное навалилось на нее, придвинулось вплотную... Она со всей ясностью ощутила, как десяток или больше ужасающе чуждых, враждебных существ прижались к ее душе и пытаются просочиться внутрь. Было похоже, что жадная черная бездна распахнула пасть, готовясь проглотить... Кровь застыла в жилах, сама себе Дивляна вдруг

показалось хрупкой, как словно была сделана из тонкого льда – и вот-вот лед лопнет, она рассыплется на сотни мелких осколков и исчезнет...

А потом все стало, как прежде. Духи не прорвались, не одолели преграды княж-травы солонокрес. Раздалась целая буря воплей – словно взмыло невидимое облако, вопли сыпались дождем откуда-то сверху, заставляя всех невольно задирать головы и даже прикрываться руками, как от дождя или града. А внизу настала тишина. И когда вопли умчались куда-то вверх и затихли в темном небе, показалось, что вместе с ним исчез и Ольгимонт. И только когда принесли факелы, обнаружилось, что он никуда не делся и лежит на земле – истекающий кровью, по-прежнему бесчувственный, но уже совершенно обессиленный и неподвижный.

Постепенно переполох унялся. Дружины разобрались в происходящем и спрятали оружие, дети, которых еще не успели поймать и разбудить, легли на землю там, где в этот миг находились, – неслышный зов затих. Их подняли и унесли, разбуженных увели по домам и уложили, родители остались сторожить. Ольгимонта тоже подняли и перенесли на прежнее место, сняли рубаху, обмыли, перевязали раны – это сделал Сушина, после того как Дивляна наскоро перевязала голову ему самому. Хотели было снова прикрутить веревками к лежанке, но Дивляна решила, что не надо. Ночь близилась к концу, она не верила, что сегодня духи вернутся. Суэта стихла, все разошлись, кое-кто даже ухитрился снова заснуть и проспать спокойно до самого утра.

После, вспоминая эту ночь, жители Межи рассказывали друг другу и соседям, будто от лица и тела Огнедевы в темноте исходил яркий солнечный свет. Дивляна не возражала, но про себя жалела, что это неправда: она действовала бы более толково, если бы не нуждалась в свете лучин и факелов.

Глава 3

Еще вчера, пока ходили за водой, Росуля показала ей рошу и дальний луг, куда бабка Кручиниха обычно отправлялась собирать травы. Все необходимое Дивляна приготовила с вечера и теперь, проснувшись на заре, могла выйти, никого не тревожа. Как ни странно, ей удалось заснуть, хотя времени на сон осталось мало. А когда она очнулась, как от толчка, и открыла глаза, то сразу вспомнила все вчерашнее. И главным ее чувством была решимость. Да, она испугалась вчера, очень испугалась, потому что убедилась, насколько сильные враги ей противостоят. Но они подчинились ей! Ей удалось их изгнать, пусть не навсегда, но все же они не посмели ослушаться, когда она приказала им убираться! Ночной бой, хоть и оставил ощущение жути, все же убедил Дивляну, что она не так уж и беспомощна. А значит, может и должна довести дело до конца.

Хозяева и гости спали, утомленные ночным переполохом. Слава чурам, все четверо детей были на месте и сам Милоум спал на полу возле двери, которую поначалу подпирал спиной. Никто не шелохнулся, когда она тихонько вышла, держа заранее приготовленное лукошко. Никакого движения не замечалось и в селе, когда она проходила, и со стороны дружинных станов пока не слышалось стука топоров и не тянуло дымом. Возле заброшенной Новибиной избы, Дивляна замедлила шаг – хотелось пойти взглянуть, как там князь Ольгимонт, – но она не стала. Что толку смотреть? Она зайдет к нему, когда сможет помочь.

Утро было прекрасное – с чистым небом и росой, осыпавшей травы. Завидев с пригорка краешек красного солнца над лесом, Дивляна поклонилась, потом приветливо помахала рукой своей небесной сестре.

– Солнце на восход, а боги на помощь! – пожелала она вслух и себе, и всему миру, и на душе посветлело. Теперь она не одна, они вдвоем. И пусть уже несколько дней как солнце «засыпается»⁹, как говорят, потихоньку готовясь к зимнему сну, у него еще хватит сил для борьбы с любой нечистью.

Вокруг нее расстилалось целое море трав – почти как в том вчерашнем сне и как в детстве, когда она ходила в луга с бабушкой Радущей. И сейчас она почти слышала голоса травок, те самые, о которых ей рассказывала Радогнева Любшанка. «Вот трава бабинка белая – пригодна давать от лихорадки. А вот трава кликун – кличет она по зорям дважды: „Ух, ух!“ И силу она в себе имеет такову: к чему хочешь, к тому и годна...»

Или это не травы, а только голос самой бабушки-наставницы ей и вспоминается? Дивляна огляделась, прислушалась, пытаясь поймать ускользающую мысль. Эти крики травок разными голосами казались очень важны, но она не могла сообразить почему. Ведь это же обычное дело, даже играли в детстве с Яромилой, Веснавкой, Хвалинкой и другими сестрами «в травки» – каждая по очереди говорила за какую-то траву, как она выглядит и для чего используется, а прочие угадывали. Хорошая игра – и развлечение, и наука. Почему те давние игры не идут из ума? Просто потому, что сейчас ей так необходима сила трав?

В отличие от солонокреса, волотовой головы или других, сильных, но редких и прихотливых княж-трав, бабка Радогнева во сне посоветовала ей растение, которое отлично знает всякий. Бабка Радуща называла ее боронец-трава, потому как она от многих бед и болезней обороняет, но названий у нее много – жигалина, жгучка, стреканка, жалива, стрекучка, спорекуша – а все за ее способность жечь, жалить и стрекать, в том числе «кропить» кожу волдырями, за что ее еще иногда называют кропивою¹⁰. Но зато и пользы она приносит больше любой другой травы. Ею лечат множество болезней и отгоняют нечисть, ее едят в голодное

⁹ С 15 августа.

¹⁰ Первоначальный вариант написания современного слова «крапива».

время, особенно весной, ею красят ткань в серо-зеленый цвет и из нее прядут волокно, хоть и грубое, но пригодное для верхней одежды. И собирать ее для этих разнообразных целей можно с ранней весны почти до конца серпня-месяца – то есть и сейчас.

Добра этого долго искать не приходится, но Дивляна все же не поленилась дойти до дальнего луга, где собирала травы Кручиниха, – уж она, разумеется, знала наилучшее, самое сильное и чистое место. Боронец-трава здесь тоже имелась – целые заросли перед малинником на краю луга. И хотя обычно люди морщатся при виде длинных, к началу осени вымахавших чуть ли не в рост человека зеленых стеблей с кусачими широкими листьями и крупинками семян на тонких волосках, сейчас Дивляна улыбнулась им – этот грозный зеленый строй был в ее глазах союзным войском, высланным Матерью Сырой Землей ей на помощь для борьбы с врагом.

Выбрав место, она поставила наземь свою корзину, сняла сорочку и распустила волосы. Сильные травы берут обнаженными – отказ от одежды выводит из круга человеческого мира, ставит на грань миров и позволяет заглянуть на Ту Сторону – откуда и является сила. А Дивляна была сейчас самым подходящим человеком для того, чтобы смотреть на Ту Сторону. Она трижды пересекла границы своего мира: покинула девичий круг, но еще не вступила в стаю мужних жен, рассталась со своим родом, но не примкнула к новому, оставила позади родную землю, но не достигла новой родины. Она стояла на грани всех миров, словно срединная точка Всемирья, и сейчас, на алой заре, эта ее сила достигала предела.

Дивляна вынула из корзины несколько серебряных браслетов и перстней из своего приданого и разложила перед строем боронец-травы. Потом поклонилась шесть раз и достала кусок нового плотного льна, отбеленного и еще не стиранного.

– Ты, боронец-трава, от богов сотворена, от Матери Земли рождена! – заговорила Дивляна, как учили ее мать и бабка. – Сварог сию ниву пахал, Макошь сеяла, Перун поливал, Велес урожай собирал, мне помогал... Благослови, Мать Сыра Земля, сию траву на исхождение, а внуку Дажьбожьему на исцеление...

Трижды повторяя заговор, она срывала плотные жесткие стебли через белое полотно, чтобы не касаться руками – так чистота волшебной травы не будет нарушена и та подействует сильнее, – и складывала их на расстеленное полотно. Травы ей требовалось довольно много. Иногда колючие листья задевали голую кожу и Дивляна вздрагивала, но улыбалась, чтобы боронец-трава не подумала, будто она недовольна; да и на самом деле это жжение только разогревало ее, обостряло ощущение, что она стоит на самом краю земного мира и смотрит в мир богов.

Травы – волосы земли, а волосы – средоточие силы любого существа. Потому так много ворожбы творится с человеческими волосами, и потому в травы переходят силы Матери Земли. Распущенные волосы Дивляны касались зеленых стеблей, словно напиваясь их силой, и она уже чувствовала себя могучей и легкой, словно Лада Белая Лебедь в просторах синих небес...

Когда она вернулась в село с огромной охапкой зеленых стеблей, обернутых белым полотном, все расступались, стараясь отойти подальше, – крапива, обычная вещь, сейчас казалось чем-то волшебным, исполненным невиданной силы, от которой простым смертным лучше держаться в стороне. Со своей добычей Дивляна явилась прямо в Новилину избу и осторожно опустила ее на пол перед печью. Двух женщин, которые пришли умыть и покормить князя Ольгимонта, она отпустила и села, глядя на лежащего.

Во время ночной битвы Ольгимонт получил множество ран, оставленных наконечниками копий, на которые он в беспамятстве наткался. Все они были неглубоки и большой опасности не представляли, но их нужно было промывать и делать примочки из заживляющих трав. А главное, они были везде – на груди, на спине, на плечах и на боках, – поэтому, как его ни положи, Ольгимонт испытывал боль и иногда постанывал сквозь зубы. Только тогда и можно было услышать его собственный голос. Духам-захватчикам до боли и слабости человека дела

нет: они не чувствуют его страданий и наполняют своей собственной силой – когда он опять им понадобится. Когда опять настанет ночь...

Дверь открылась, ворвался взмокший Званец, Ольгимонтов отрок, – увидел издалека, что Огнедева вошла сюда с крапивой, и примчался. С его помощью Дивляна подняла князя, размотала старые повязки, промыла раны, наложила новые. Причем распаривать березовые почки, настаивать зверобой и душицу ей помогала Росуля. Девочка оказалась удивительно смышленная для своих восьми лет – сообразительная, терпеливая, прилежная, она держалась совсем как взрослая, и Дивляна понимала, почему из всех своих многочисленных отпрысков бабка Кручиниха, похоже, именно ее выбрала себе в преемницы. Жаль, так мало успела.

Из части собранного зелья Дивляна тоже сделала отвар и напоила Ольгимонта – пусть защитная сила боронец-травы напитает его изнутри. Но основное было еще впереди.

Когда они со всем этим покончили, было уже далеко за полдень. Дивляна поблагодарила своих помощников и отпустила их: Званец и Росуля с одинаковым любопытством косились на нее, но не спрашивали, понимая: предстоящей ворожбы никто видеть не должен.

Дивляна осталась одна с Ольгимонтом, который лежал на спине, полуоткрытыми глазами глядя в темную кровлю, и грудями боронец-травы на полу возле печи. Пора было приступать, но руки слегка дрожали. Она знала и понимала все, что ей предстояло сделать, знала даже то, что в ней самой и в боронец-траве хватит сил для предстоящего, но сразу смогла собраться с духом перед первым в жизни настолько важным самостоятельным делом.

В сенях послышался шум, дверь открылась. Дивляна обернулась и увидела Белотура. Она и досадовала, что ей помешали, и где-то в глубине души чувствовала облегчение, что можно еще немного отложить...

Белотур осмотрел сперва рассыпанные по полу зеленые стебли, потом саму Дивляну.

– Что ты делать собралась?

– Духов изгонять. Насовсем, – скромно ответила Дивляна, глядя на него, склонив голову, с робким и немного игривым лукавством. Все-таки ей было приятно, что он пришел: близость этого сильного, уверенного человека подкрепляла ее собственную уверенность.

– Это тех, которые вчера...

– Да.

Белотур снял шапку, осторожно, чтобы не наступить на крапиву, пробрался к лавке и сел напротив Дивляны, глядя на нее внимательно и даже недоверчиво, будто обнаружил на привычном месте нечто новое. Раньше он только любовался будущей невесткой как юной, красивой девушкой, веселой и приятной, способной поднять настроение одним своим видом. Но теперь... Он тоже вчера слышал, как она приказала духам уйти, и те послушались. Как это вышло? Почему ей это удалось? Да, она – Огнедева, однако мало ли таких Огнедев в каждом селе и городке сажают на белого коня во время весенних обрядов и чествуют как богинь – но богинями ведь они от этого не становятся. Властью управлять духами обладают мудрые и опытные волхвы и ворожеи, старые и страшные, как чучело Марены, сами одной ногой стоящие в Закрадном мире.

А она... От ее волос пахло горьковатым и будоражащим запахом свежих трав, глаза блестя, на щеках цвел румянец – она была будто русалка, влекущая, соблазнительная, и, глядя на нее сейчас, Белотур мог думать только об одном – о том, о чем запретил себе думать, как только понял, что мысли снова и снова к этому возвращаются. Ему было трудно даже вспомнить, о чем собирался с ней говорить, но ведь он отвечает за то, чтобы привезти невесту брата в Киев целой и невредимой.

– Ты... и правда это сможешь? – недоверчиво спросил воевода, разглядывая ее и думая, что эта манящая красота богами предназначена вовсе не для борьбы с играцами.

– Смогла же вчера.

– Вчера я ничего не понял.

– А тебе и не надо. Острым железом духов можно напугать и даже отогнать ненадолго, но они вернуться. Чтобы избавиться от них совсем, нужно другое.

– Нет, постой. Я не хочу, чтобы ты... – Белотур с беспокойством мял свою дорогую шапку. Он совершенно точно знал, что девушке не следует вмешиваться в такое дело. Но, с другой стороны, перед ним сидела не просто девушка, и он не был уверен, что может решать за нее. А хотелось... – Я за тебя отвечаю, чтобы брату невесту в целости и сохранности привезти. А тут игрецы! А если они на тебя набросятся?

– На меня не набросятся, у меня есть княж-трава солонокрес. Моя мать ее нашла, заговорила, она никакую нечисть ко мне не подпустит.

– И тебе не страшно?

– Страшно. Но никто лучше меня с этим не справится, и я должна попробовать. Нет, я должна это сделать. Я сумею.

– С ума сошла... – Белотур запустил пальцы себе в волосы и взъерошил. – И я с тобой вместе. Чего придумала! Обрученная невеста, что на глаза чужим людям не должна показываться – от дома в такой дали, между сговором и свадьбой, – с игрецами наострилась воевать! Ты с ума сошла, что в это дело лезешь, и я с ума сошел, что тебе позволяю! Почему – не пойму!

– Ну что ты! – Дивляна улыбнулась, встала с места и подошла к нему.

Она видела, что Белотур тревожится и колеблется. А только он, как представитель рода ее будущего мужа, да еще Велем, как ее старший брат, вдвоем и имели власть что-то ей разрешать или запрещать. И перед отъездом из дома она, стараясь загладить прежнее своеволие, пообещала перед чурами и родичами во всем слушаться этих двоих.

Но теперь он смотрел на нее с тревогой и неуверенностью, будто сам не знал, стоит ли ему вмешиваться в дела, в которых мужчина и воевода так мало понимает. Сохрани чуры, вздумает советоваться с Велемом, а уж тот точно запретит! И, торопясь перетянуть на свою сторону хотя бы одного из двоих, Дивляна обвила руками плечи Белотура и стала уговаривать, покрывая беспорядочными поцелуями его щеки под бородой, горячий лоб, глаза и даже сухие теплые губы:

– Брате любезный, сокол ясный, ну, не упрямясь, сделай милость! Боги ничего зазря не делают, раз привели нас сюда, значит, я должна помочь. А нам ведь через Днепр идти – подумай, как нам князь Громша будет благодарен, если мы его сына от верной смерти спасем! А если не спасем, он ведь нас возненавидит! И какая слава обо мне пойдет, если я, Огнедева, княжьего сына без помощи брошу! Сам же ты говорил, что я для вас – дар небесный, так неужели надо этот дар от людей прятать?

Теперь она почти боялась, что ей запретят вмешиваться и лишат случая попробовать свои силы – а ведь ей уже ясно, что делать, осталось только проверить, получится или нет. После утреннего похода в луга Дивляна словно бы принесла с собой все это – волнуемое ветром море трав, синеву неба, чистоту росы, золото первых лучей над вершинами елей; сила Матери Земли пронизывала ее, кипела в жилах, будто вода в весенних ручьях, наполняла томлением, которое искало выхода. И пока ей некого любить... нет, Белотура – нельзя... вся эта сила могла найти выход только в борьбе с невидимым врагом, только на Ту Сторону она могла выбросить то, чему в ее нынешней жизни не было места. И при этом ее радовало, что даже Белотур, сильный, зрелый мужчина, не может противостоять этой силе и делается в ее руках мягким и податливым.

Белотур сначала смеялся и отбивался, потом перестал, обнял ее и потянул к себе. Дивляна чувствовала, что он ее уже не слушает, а только тяжело дышит, подставив ей лицо. Но не успела она подумать, что зашла слишком далеко, как Белотур отодвинул ее от себя и потряс головой.

– Ну что ты делаешь? – Вид у него был как у полупьяного, и он, с усилием приходя в себя, взглянул на нее с упреком. – Мало мне будто...

– Чего?

– Ничего. Здесь ведь не Купала.

– А жаль! – невольно вырвалось у Дивляны, и она тут же прикрыла рот рукой, но было поздно. – Так ты позволяешь? – Она снова придвинулась к нему, и глаза ее говорили: если он не даст ей сразиться с игрецами, то всю ее бурлящую силу испытает на себе.

– Да кто бы перед тобой устоял... и игрецы тоже.

Поднявшись, он пошел к двери.

– Не говори Велему, – бросила ему вслед Дивляна.

Он кивнул, имея в виду, что и сам не собирается рассказывать брату невесты, как целовал ее, вовсе не будучи ее женихом. Но уже на пороге понял, что она говорит не о том, и, обернувшись, махнул рукой. Он-то, дурень, поначалу думал, что Огнедева – это лишь почетное звание, но теперь стал осознавать нечто другое. В этой юной, красивой и привлекательной девушке, иной раз такой простой и веселой, совершенно не похожей на баб-ворожеек, действительно таились силы, которых он не понимал.

– Поднимается грозна туча, а под грозной тучей мечутся гром да молния... Как от грома и молнии бегут синцы и игрецы, водяные и лешие – под пень и под колоду, в озера и в омуты, так бы бежали они от Ольгимонта, сына Минтарова, внука Дажьбожьего, все духи перехожие, посыльные и нахожие... – нараспев приговаривала Дивляна, сплетая из жестких крапивных стеблей сперва один веночек, потом второй, потом третий...

Всего их нужно было шесть – три для Ольгимонта и три для себя. Она пыталась придерживать крапивные стебли через полотно – лучше и для дела, и для собственных рук, – но так работать было неловко, и уже скоро Дивляна исколола все ладони так, что они почти ничего не чувствовали. Самой Солнцовой Деве однажды пришлось плести из крапивы аж двенадцать рубашек для своих братьев, которыми пытались завладеть синцы, – и не из той крапивы, которую уже обработали и обтрепали для прядения, а из такой же, свежей. Этих-то жгучих волосков и боялись злые духи... Шесть венков – «плетней», как говорила бабка Радуша, – все-таки не двенадцать рубашек, утешала себя Дивляна, дуя на пальцы.

Теперь она сидела одна, больше никто к ней не приходил. В начатую ворожбу вмешиваться нельзя, и даже если Велем будет недоволен, ему останется только ждать окончания дела. А дело близилось – за «дыхлом», как тут называли волоковое окошко, постепенно темнело.

– И как трепетна есть земля от грома небесного, так трепетны нечистые духи от меня...

Под заговор она закончила все шесть венков из боронец-травы со зверобоем и три из них надела на Ольгимонта – один на голову, второй на грудь, третий на пояс. От прикосновения жгучих стеблей он даже не поморщился. Зато игрецы больше не смогут в него проникнуть. Осталось только уговорить их уйти насовсем – иначе сыну княгини Колпиты придется ходить в боронец-траве всю оставшуюся жизнь.

Еще три венка она надела на себя. Солонокрес – это хорошо, но в таком деле лишняя защита не помешает. И Белотур был прав в своих опасениях – если загородить игрецам путь к привычной жертве, они накинута на того, кого найдут поблизости. Надо думать, все жители Межи будут ночью сидеть по домам, под защитой своих чуров. А чтобы духи все-таки не стали рваться к другим родичам покойной Кручинихи, Дивляна тоже кое-что для них приготовила.

«Может быть, я из этой избы никогда уже не выйду!» – подумала она, окинув взглядом неуютное, заброшенное жилье.

Но нет. Не умеючи, не ведаючи и не знаячи, с игрецами тягаться не стоит. Но она – Огнедева. Мать и бабка передали ей знания, боги наделили ее силой. Она сможет. Дивляна чувствовала себя странно: ей казалось, что она сидит не на лавке, а прямо на воздухе. Но страха не было.

Темнело, она зажгла лучину. Окошко было отволочено, виднелся маленький прямоугольник темно-синего неба, покрытого сверкающими точками звезд.

В селении все затихло, снаружи не долетало ни единого звука. Дивляна подошла и прислушалась. Нет, вроде никого нет. Белотур и Велем могли бы придумать прислать людей к избе – на всякий случай. Но, наверное, она убедила их, что топорами здесь не поможешь. Или у нее получится, или не получится ни у кого. Бабка Кручиниха оставила наследство, с которым не может справиться никто, кроме нее. Как так вышло? Обычно ворожеи знают заранее срок своей смерти и загодя готовят преемников. Кручиниха этого не сделала. Или не нашла пригодных, кроме еще слишком маленькой Росули, или... она не знала? Судьба обманула мудрую и грозную ведунью? Дивляна вспомнила разговоры о том, что бабку догнала чья-то порча. Порча, насланная кем-то более сильным...

И вот тут по коже побежали мурашки. Раньше она думала только об играцах, служивших Кручинихе и теперь оставшихся без хозяйки. Но что, если они – не главные виновники всего происходящего и не главная опасность? Что если за всем этим стоит кто-то другой? Кто-то более сильный, чем Кручиниха. Кто он? Чего хочет? И не приведет ли ее столкновение с бабьими играцами к встрече с этим неизвестным противником?

По избе пролетел ветерок, и Дивляна вздрогнула. Лишние мысли исчезли – начиналось то, чего она ждала. Все остальное – потом, но сейчас перед ней вставало вражеское войско, и копье было брошено в невидимый строй...

Сперва она отпрянула от окна, но потом вернулась и прижалась к стене рядом. Вся дверь по косяку была окружена плетнем из крапивы со зверобоем и заговорена, второе окошко тоже. Свободным оставалось только одно, и через него голодные духи рвались к своей жертве. Прямоугольник окна потемнел, звезды и лунный свет исчезли, будто в окошко вставили плотную затычку из сплошной тьмы. Десятки мелких холодных вихрей кружились в избе; Дивляна ничего не видела, только подрагивало пламя лучины, но ощущала каждый из них так ясно, будто тонкие струны проходили через ее голову, и она чувствовала колебание каждой из них. Все они были разными, но одно объединяло их – чужеродность и чувство голода.

Готово. Они все здесь. Возле окна движение прекратилось, но в проеме по-прежнему висела густая чернота. А клубок тонких холодных вихрей вился посреди избы. Дивляна подняла с лавки приготовленный крапивный плетень и положила его на оконный косяк. Все. Духи оказались в ловушке.

– На небесах от лица Перунова поднимается грозная туча, сильный гром и молния, – заговорила она, и собственный тихий голос слышался ей будто издалека. Но в нем жило горячее дыхание грома, и ей самой уже казалось, что это говорит не она, а та, небесная Огнедева. – Как спустил Перун гром и молнию, грянул гром, молния пламя пустила, молния осветила — и устремились, и убоялись всякие нечистые духи, рассказали и разбежались: водяной в воду, а лесной в лес, под дерево скрипучее, под корень, а ветряной под куст и под холм, а нечистый дух, посыльный и находжий, на свои на прежние жилища. Так и я приказываю вам, духи нечистые: как боитесь вы небесной стрелы, молнии грома, так убоялись бы вы и меня, внучки Дажьбожьей, во всякое время, на востоке и на западе, на полудне и на полуночи, со всех четырех сторон...

– Кто?

– Говорит?

– С нами?

– Кто?

– Приказывает?

– Нам?

Теперь уже звуки исходили не из уст Ольгимонта: он по-прежнему лежал неподвижно, а голоса раздавались прямо из воздуха – и прямо в голове Дивляны.

– Я роду ни большого, ни малого: мне матушка – красно солнышко, а батюшка – светел месяц, а сестры у меня – белы зорюшки, а братцы у меня – часты звездюшки. А вы кто? Как имена ваши?

- Мне имя – Воронец!
- Мне имя – Пырец!
- Мне имя – Хоростец!
- Мне имя – Беглевец!
- Мне имя – Нырец!
- Мне имя – Былец!
- Мне имя – Пухлец!
- Мне имя – Горелец!
- Мне имя – Турица!
- Мне имя – Ужевник!
- Мне имя – Земляница!
- Мне имя – Змиица!
- Мне имя – Мокрец!

Слова падали, как осколки льда – острые, тонкие, холодные, ранящие. И все-таки это была победа – она заставила их говорить. А кто знает имя, тот получает власть. Стараясь ни одного не упустить, Дивляна лихорадочно соображала. Все эти имена – названия трав. Но духи растений не могут мучить людей. Значит, бабка Кручиниха когда-то схитрила: она прикормила игрецов, дала им имена трав и тем самым подчинила себе, поскольку ей, зелейнице, были подвластны травы.

– И приказываю я вам, дух Воронец, дух Пырец, дух Хоростец... – Дивляна перечислила все тринадцать имен, – уходите от внука Дажьбожьего Ольгимонта, уходите от этого дома, от окон и дверей, от четырех углов, уходите на свои прежние жилища и не возвращайтесь, пока хмель не утонет, пока камень не поплывет!

- Мы не можем! – завyli, заскулили, заканючили голоса над ухом. – Не можем!
- Хозяйка нас на вечную службу подрядила!
- Воли нас лишила!

– А служить мы можем только ей и еще троим, в ком ее же кровь, кровь Ольгимонта волхва!

– Кто эти трое? – спросила Дивляна. Надо думать, речь шла о потомках древнего чародея, к которым принадлежала сама Кручиниха, – ведь говорили, что она происходит из старого и знатного голядского рода.

- Колпита, княгиня смолянская!
- Ее сын Ольгимонт!
- Ее дочь Ольгица!
- Но их тут нет!
- Есть только он, Ольгимонт!
- Он не хочет!
- Он отвергает нас!
- Он не кормит нас!
- Он не дает нам работы!
- Но мы не можем уйти!
- Он – Ольгимонт!
- Он – наш хозяин!
- Он должен нас кормить!

– Замолчите! – Дивляна затрясла головой, и вой тринадцати голосов умолк.

Ей все стало ясно. Сына княгини Колпиты подвело то, что он получил родовое имя своего знаменитого предка. Везде нарекают именами предков, давая тем новую жизнь в своем же роду, но для духов нет разницы между этим Ольгимонтом и тем, которому они служили лет двести назад. Однако этот Ольгимонт не имеет ни желания, ни способностей, ни знаний, чтобы ими управлять. Видимо, его мать даже не подозревала о том, что в роду существует подобное наследство. Иначе позаботилась бы.

– Я найду вам нового хозяина, – сказала Дивляна. – Или хозяйку. Вы согласны служить княгине Колпите – я отвезу вас к ней.

– Мы согласны! Согласны!

– И я буду кормить вас, пока вы не попадете к ней. А взамен пообещайте, что не станете мучить Ольгимонта, не станете манить детей, не станете причинять вреда никому ни в этом селении, ни среди всех прочих людей. А иначе я запру вас в этой избе навсегда и вы выйдете на волю только тогда, когда Мать Земля перестанет родить траву-боронец!

Духи отчаянно взвыли – этот срок был сродни тому, что называется «когда камень поплывет». Дивляна ощутила, как тринадцать мелких воздушных змеек разом кинулись к ней, будто стрелы, но застыли, не в силах ее коснуться: сила княж-травы солонокреса, сила боронец-травы и сила Огнедевы образовала вокруг нее подобие кокона, куда не могло проникнуть ничто враждебное. Духи бесновались и выли, колотясь об эту невидимую преграду, но Дивляна сохраняла спокойствие. Она даже перестала бояться, видя, что противники у нее в руках.

– Мы согласны... – простонал сперва один голос.

– Мы согласны... – неохотно подхватил другой.

– Согласны...

– А ну, живо все в клюку! – приказала Дивляна. – И сидите там, пока не позову.

Клубок холодных вихрей кинулся к бабкиной клюке, которая стояла возле печи, и мигом втянулся внутрь. Стало тихо, и Дивляна вдруг ощутила, каким теплым сделался воздух. Присутствие духов выстудило избу, но тогда она не замечала этого.

Она подняла глаза к окошку. На темной глубокой синеве сияли звезды – глаза чуров, как о них говорят.

И тут ее начала бить неудержимая дрожь. От слабости Дивляна не могла даже сидеть и улеглась прямо на жесткую непокрытую лавку под окном, свернувшись калачиком. Когда напряжение спало, у нее совсем не осталось сил. Но все-таки она выдержала, сумела собрать воедино силу Матери Земли, огня и воды, вещего слова и верно направить их. И несмотря на нынешнюю слабость, чувствовала, что и сама благодаря этому стала гораздо сильнее.

Ночью никто не вмешивался, но, надо думать, все село с большим волнением ждало исхода решающей битвы Огнедевы с игрецами, потому что за ней пришли на белой заре, едва начало понемногу светать. Дивляну разбудил стук в дверь, но она не сразу проснулась и не сразу смогла встать, поскольку чувствовала себя разбитой, все тело болело, голова кружилась. Она ничего не ела все прошедшие сутки и теперь от слабости с трудом стояла на ногах, так что, цепляясь за стены, едва добрела до двери.

Они все были здесь – Белотур, Велем, Милоум с братом Синелей, Сушина, а за ними толпилось еще множество людей – жители Межи, поляне, ладожане и смоляне.

– Ты жива? – Велем крепко взял ее за плечи. – Что тут было?

– Я их победила, – сонным голосом сообщила Дивляна.

– А князь наш как? – спросил Сушина, через ее голову вглядываясь в дальний угол.

– Пойдемте, посмотрим. – Дивляна отошла от двери. Об Ольгимонте она почти забыла, поглощенная поединком с игрецами.

Все желающие в старую Новилину избу не поместились бы, и Званец встал у двери, пропустив только воевод. Тем не менее никто из этих храбрых мужей не решился приблизиться к Ольгимонту раньше Дивляны. Она подошла, наклонилась над лежащим и позвала:

– Князь Ольг! Не пора ли тебе просыпаться?

Она слегка потрясла его за плечо... и он вдруг открыл глаза. Собственный его друг и воевода Сушина вздрогнул и отшатнулся – он слишком хорошо помнил, как вслед за этим его князь совсем недавно пытался вцепиться ему в горло. Но теперь Ольгимонт ничего такого не хотел, а лишь с изумлением смотрел на склонившуюся над ним незнакомую девушку, лицо которой ему плохо было видно в полутьме, и столпившихся позади нее мужчин. Но это выражение изумления было самым обычным, человеческим.

– Ну и долго же я спал... – хрипло выговорил он, и этот голос тоже не имел ничего общего с теми тринадцатью потусторонними голосами, которыми он разговаривал несколько дней перед этим.

– Слава чурам! – с облегчением простонал Сушина, наконец-то узнавая своего князя. – Сокол ты мой ясный...

– Что... Ой! – Попытавшись приподняться, Ольгимонт потревожил какую-то из своих ран и охнул. Оглядев себя – из-за множества повязок, которые часто приходилось менять, на него даже сорочку не надевали, а лишь накрывали ею сверху, – он поднял недоумевающий взгляд на воеводу: – С кем мы дрались? Что со мной было? Я ничего не помню! Это голядь напала? Или Станила? Что молчите?

– Не голядь это и не Станила. – Сушина покачал головой. – Это, княже...

– Тебе пришлось сражаться с игроцами, князь Ольгимонт, – сказала Дивляна. – Эти раны – из-за них.

– С игроцами? – Ольгимонт перевел взгляд на нее и все-таки с усилием приподнялся и сел, морщась от боли. – А ты кто?

– Я – Огнедева.

Ничего больше объяснять сейчас у нее не было сил, и она привалилась к плечу Велема, закрыв глаза. Тот без разговоров подхватил ее на руки и понес к Милоуму. Там хозяйка наполнила ее молоком, и Дивляна, едва сумев взобраться на полати, заснула, будто провалилась. И проспала весь день. В сумерках она встала, взяла у хозяйки кувшин молока, кусок хлеба, забрала клюку Кручинихи и со всем этим пошла на жальник. На родовом кургане Кореничей, возле камня, под которым зарыли прах старухи, она разлила по траве молоко, разбросала накрошенный хлеб и приказала:

– Ешьте!

Вокруг не было ни одной живой души, но даже если бы кто-то и нашелся, то ничье ухо, кроме Дивляны, не смогло бы различить свист, вой, голодное повизгивание, с которым тринадцать игроков набросились на угощение.

Загнав свое дикое стадо опять в клюку, Дивляна отнесла ее в избу Кручинихи, а сама вернулась к Милоуму и улеглась спать. И снова спала до самого утра.

Глава 4

Ни детей, ни скотину никто больше не манил на жальник, и после двух ночей, прошедших в тишине и благополучии, жители Межи окончательно поверили, что их беды миновали. По этому случаю старейшины решили устроить пир, чтобы угостить и предков, и богов, и гостей, которые помогли усмирить злыдней и вернуть селению безопасность. Закололи бычка, женщины напекли пирогов, наварили пива. Соседи собирались из всех окрестных весей, словенских и кривичских, и рассказы о буйстве духов и о сражении с ними Огнедевы обрастали все новыми подробностями.

А между тем пора было ехать дальше. За время этой остановки дружины отдохнули, что было очень кстати. Лишь чуть выше Межи судоходная часть Ловати кончалась и начинался волок – первый из тех, что в конце концов должны были привести к Днепру. Князь Ольгимонт уговаривал путников задержаться еще на пару дней – он хотел непременно сам сопровождать Огнедеву до Днепра, но ему требовалось время на то, чтобы окончательно окрепнуть. Его раны закрылись и быстро заживали, и Белотур согласился обождать еще немного. Ольгимонт, которому уже рассказали, что с ним было и какая печальная участь его ждала, если бы не вмешательство Огнедевы, был исполнен благодарности и выражал полную готовность служить ей, как она пожелает. Пока он мог сделать одно: провести дружину до самого Днепра наиболее удобными путями и оберегать от разных напастей.

И вот наконец еще дня через три дружины Белотура, Велема и Ольгимонта попрощались с Межой и тронулись дальше. Клюку Кручинихи, для надежности обвязанную одним из заготовленных стеблей боронец-травы, Дивляна везла с собой и намеревалась вручить матери Ольгимонта, княгине Колпите.

Протяженностью волок от верховий Ловати до озера Узмень, куда им теперь предстояло держать путь, был верст в пять.

– За день дойдем, – обнадеживал Ольгимонт, при котором Белотуру больше не нужны были другие проводники. – Гати здесь хорошие, мы сами за ними следим. А на Узмене наши люди живут, Огнедева сможет там отдохнуть.

В верховьях Ловати земли были порядком заболоченные и села встречались нечасто. Когда пришла пора вытаскивать лодьи на берег, вокруг не виднелось ни одной крыши. И все же люди тут бывали: на утоптанной площадке чернели круги старых кострищ, валялись черепки от битых горшков, обрывки старых берестяных туесов, обломанные черенки от деревянных ложек, обглоданные кости, рыбы хвосты, какие-то грязные, полуистлевшие тряпки – остатки настолько заношенной и перелатанной одежды, что даже не удавалось определить, что это раньше было, то ли рубаха, то ли порты.

– Торговые гости тут стоят – одни перед волоком, другие после волока, – пояснял Ольгимонт, и Белотур кивал: он и сам с дружиной останавливался здесь по пути на полуночь. – Одни тут с Всесвячи приходили, вот как овсы начали косить, и бревна тут же остались. Я покажу. Варяги, что ли...

Заготовленные бревна еще лежали на берегу мелкой речки, на краю поляны, почти там, откуда Белотуру со спутниками предстояло начинать. Лодьи полностью разгрузили, всю дорожную поклажу – припасы, приданое Дивляны, подарки будущей родне и все прочее – сложили в стороне под небольшой охраной. Несколько бревен разместили дорожкой, один ряд вдоль другого. На них, поперек, разместили другие бревна. А уж поверх, подняв дружным усилием, водрузили первую лодью и в десяток рук принялись толкать. Когда корма сошла с заднего бревна, его переложили под нос. Когда кончились продольные бревна, пару задних тоже перенесли вперед. Так и шли: одни таскали бревна, другие толкали по ним лодью. И видя, сколько

сил тратят мужчины на преодоление каждой пары «больших локтей»¹¹, Дивляна вздыхала и едва верила, что они сумеют пройти волок за один день. Преодоление порогов на Волхове тоже стоило немалого труда, но там лодьи велись по реке, а тут их предстояло тащить по суше, в глухую чашу, даже не видя впереди воды! И хотя Дивляна знала, что через несколько верст вода появится, все же это зрелище казалось ей довольно диким.

К счастью, через волок ходили достаточно часто, чтобы когда-то прорубленная просека не успевала вновь зарости, и по мере приближения в зеленой стене открывался довольно узкий, но достаточный проход.

Через версту почва увлажнилась, запахло болотом. Под густой болотной травой захлюпала вода. Здесь была устроена гать, узкая, так что едва пройти, выложенная из порядком подгнивших, почерневших бревнышек разной толщины, с облезшей корой. Промежутки между бревнами были завалены хворостом, ветками, ольховыми жердями, ржаво-рыжими на срезе, довольно свежей щепой – Ольгимонт сказал, что сам недавно подновлял ее. Но продвижение замедлилось: на кривой неравномерной гати бревна разъезжались, нос лодьи упирался в неровности пути и не двигался, несмотря на все усилия.

Шагая по тропе, Дивляна не переставала думать о том, что осталось позади. Те два дня, пока Ольгимонт выздоравливал, она сама тоже по большей части спала – так утомила ее первая в жизни настоящая встреча с Той Стороной. И если насчет бабкиных игроков все теперь было более-менее ясно, то мысли, впервые пришедшие к ней в темной выморочной избе, не давали покоя. Надо было спросить у игроков, не направлял ли их кто-то другой, кроме умершей хозяйки. Не послал ли их иной ведун, не заставил ли требовать крови – сперва скотины, потом детей, потом самого князя Ольгимонта? Но в ту ночь она не догадалась задать все нужные вопросы, а вызывать игроков для нового разговора не чувствовала себя в силах.

Правда, необязательно было спрашивать у духов. Люди тоже многое знают. И если нашелся в округе настолько могучий чародей, что сумел погубить Кручиниху и взять в оборот ее невидимых слуг-игроков, то о нем должны знать.

Обернувшись, она подождала, пока ее нагонит князь Ольгимонт. Из-за недавних ранений он не принимал участия в толкании лодий и вместо этого оберегал Дивляну и ее двух челядинок. Вымыв и расчесав волосы, он стал молодцом на загляденье, а глаза его при ярком солнечном свете оказались совершенно удивительного цвета – серые с зеленовато-голубым отливом, которого она никогда и ни у кого не видела. Дивляна уже расспрашивала его о роде и семье и выяснила, кто такой был тот Ольгимонт волхв, который первым изловил в просторах Навного мира игроков и заставил служить себе, чтобы потом передать по наследству. Правда, о самом этом наследстве молодой князь ничего доселе не знал, но о старом чародее ходило немало преданий. И в любых зверей-то он мог превращаться, и полчища вражеские сокрушал... Молодой князь Ольгимонт ни о чем подобном и не мечтал и стремился лишь к благополучию рода и племени. Четыре года назад его женили на девушке знатного рода, и теперь он уже имел двух маленьких детей.

– А не знаешь ли, какие в этой округе есть сильные ведуны, волхвы, чародеи? – стала спрашивать Дивляна, когда он подошел к ней и улыбнулся, выражая готовность что-нибудь для нее сделать. Все эти дни Ольгимонт смотрел на нее с удивлением, будто не верил, что юная, красивая девушка справилась с таким трудным делом, как укрощение тринадцати игроков.

– Свои ведуны, как водится, в каждом роду есть, но Кручиниха была самой сильной. Ты думаешь о том, кто мог наслать на нее порчу?

– Да. Знаешь кого-нибудь подходящего?

– Нет. – Ольгимонт покачал головой. – Я сам об этом уже думал. Если бы здесь был такой сильный чародей, я бы знал. Вот разве что...

¹¹ Большой локоть – два обычных локтя по 54,7 см, то есть чуть больше метра.

– Что? – Дивляна заглянула ему в лицо, видя, что он колеблется.

– Может, это и ни при чем... Но недавно тут случай был. Я еще когда ехал к Ловати, мне на Узмене говорили. Завтра будем там, я велю, чтобы тебе тоже рассказали.

– Лучше ты сам.

– Хорошо. Я просто думал, что лучше тебе послушать тех, кто все видел своими глазами.

– Что ломаешься, как недоросток на первом гулянье! – Дивляна в шутливом нетерпении толкнула его в плечо. – Рассказывай.

– Хорошо. – Ольгимонт ухмыльнулся и начал: – Как раз это было во время жатвы, месяца не прошло. Есть там одна баба, вдова Чернеиха, и всей семьи у нее две дочки, девки молодые, моложе тебя, непросватанные. Еще есть у них бабка старая, эта дома все сидит. И пошли они жать втроем – Чернеиха жнет, девки подбирают. Жали до самой ночи – одна-то она немного сделает. Девки ей говорят: «Матушка, пойдем домой, темно уже. Завтра придем и докончим». А баба отвечает: «Сегодня доделаем, завтра нам легче будет. Вот до конца рядка дойду, и пойдем». Вот луна уже вышла, а она все жнет. Дочери ее опять просят домой идти, а она не идет, упрямая баба. Вот младшая ее дочка обернулась, видит, идет кто-то к ним через поле, она и говорит: «Смотрите, бабушка идет нас домой звать». А луна яркая, все видно, как днем. Взяла тогда Чернеиха серп и пошла по полю навстречу. Дочери за ней. Подходят ближе и видят – это не бабка их, а какая-то девка, молодая, в белой рубаше, а волосы распущенные, черные, чуть не до земли. И тоже с серпом в руке, а серп-то не простой, серебряный, светит ярче месяца. По бокам от нее две собаки – не собаки, волки – не волки, бегут, будто тени, а глаза всех троих огнем горят. Идет к ним эта девка, улыбается, манит, к себе зовет. Ну, эти три испугались, все побросали, бежать без памяти, да со страху в лесу заплутали, только к утру домой добрались, себя не помня. Чернеиха поседела вся, младшая дочка, говорят, до сих пор заикается. Утром люди ходили, смотрели на поле – ничего там нет, только серп Чернеихи валяется. И все на Узмене говорят, что это Марена им явилась. Зачем явилась – неведомо, только ясно, что не к добру.

Дивляна молча кивнула. Облик богини Марены узнать было нетрудно – в начале зимы, когда ложится снег, молодая Марена является людям в виде девушки в белой рубаше без узоров, с распущенными черными волосами, и волки, дети зимы, нередко ее сопровождают. Недаром одно из имен самой Марены – Лютая Волчица. Но связано ли появление на полусжато поле Хозяйки Лунного Серпа с тем, что вскоре случилось за волоком, в Меже? Или нет? Не сама же Кручиниха чем-то разгневала хозяйку Закрадного мира, чтобы та дала себе труд ее погубить? Дивляне пока не хватало ни знаний, ни опыта, чтобы разобраться в этом. Конечно, встречи с Мареной никто не минует, но чтобы она преследовала какого-то человека – так не бывает, богиня – не злая соседка.

– А еще говорят, дивьи мужики чаще появляться стали, – подумав, добавил Ольгимонт. – Но это что, их тут и раньше видели.

– Что за мужики?

– У нас такая нечисть водится, дивьи мужики называется. У них туловища всего половина, и головы половина, один глаз, одна рука, одна нога, но бегают быстро, будто ветер, и силищи немереной. Говорить не умеют, только стонут, хохочут, мычат по-лешачьи, и сами шерстью покрыты с головы до ног, будто медведи. Живут в норах под землей, на зиму спать заваливаются, а по весне опять выходят. До баб, говорят, сильно охочи...

Дружина уже двинулась дальше, толкая ладью по гати; впереди слышались крики, тяжелые вздохи, трещали хлипкие жерди под катками, из щелей брызгала темная торфяная вода. Женщины держались позади, осторожно ступая между щелями и лужами. Дивляна огляделась, чувствуя, как продирает по спине мороз. Вроде и день в разгаре, солнце светит, золотит вершины чахлой ольхи и дальних темных елей на взгорке – а все же страшно стало. Ольгимонт так говорил: «Та сторона!» – указывая взмахом руки, и непонятно было, имеет он в виду просто

берег Узмень-озера позади волока или таинственную Ту Сторону, где обитают духи, предки и сами боги. Дивляна осознала, что с каждым шагом приближается к тому месту, где совсем недавно видели Марену... Нечего сказать, только такой встречи и не хватает просватанной невесте, едущей за тридевять земель к жениху! Недаром она боялась перейти межу – с каждым шагом по этому пути становилось все страшнее. Сначала игрецы, а теперь сама Марена...

Местность за болотом снова повысилась, гать кончилась, двигались по ровной луговине. По сторонам стояли высокие ели, под ними зеленела на рыжей хвое мягким ковром кислица, заячья капуста. Кое-где попадались островки черничника, и Кунота, ее молодая челядинка, все шарила там, выискивая запоздалые ягоды – водянистые после прошедших дождей, несладкие. По сторонам тропы даже трава была недавно выкошена – значит, люди поблизости живут.

И вот наконец показалась вода – мелкая речка, едва четыре локтя в ширину и глубиной чуть не по колено, все же вызвавшая бурю радости в уставшей дружине. Разгруженные, облегченные лоды спустили на воду и на веревках повели, подталкивая в самых мелких местах, – даже и так было гораздо легче, чем таскать тяжелые бревна и толкать лоды по каткам. А уж когда впереди открылось Узмень-озеро, в которое впадала вытекавшая из болот речка, то мужчины дружно заревели и понеслись чуть ли не бегом.

– Жертву надо озеру! – закричал Дивляне Велем, возглавлявший дружину первой лоды, и она успокаивающе помахала ему рукой.

Для хозяев Узмень-озера она заранее приготовила каравай хлеба и пару шелягов. Плата немалая, но и повод достойный. Эта крошечная безымянная речка, вытекающая из болота, была первой на их пути из тех многочисленных широких и могучих рек, что несли свои воды уже не на полуночь, в Варяжское море, а на полудень. Там, как рассказывал Белотур, тоже было море, называемое Греческим, и в него впадал Днепр, в среднем течении которого стоял Киев-город. До него было еще очень далеко, но сегодня, под страшный рассказ о явлении Марены, Дивляна и все ее спутники миновали межу, за которой поистине начинался другой мир.

Пока мужчины, столкнув первую лодью в воду, отдыхали в ожидании второй, шедшей под руководством Велема позади, Дивляна отошла подальше, выискивая тихое место. Мелкая заводь показалась ей подходящей. Тут росло несколько старых ив, в которых всегда обитают водяные хозяева, и в прозрачной воде между осокой можно было рассмотреть даже мелкие волны на желтом песке, будто ребрышки самого озера. Оставив спутников поодаль, Дивляна одна спустилась к воде и сосредоточилась, прислушалась, стараясь нащупать рядом присутствие хозяев... И те охотно откликнулись: уже мерещилось, будто кто-то стоит рядом, заглядывает тебе через плечо, но оборачиваться бесполезно – он невидим простым глазом. Даже лучше закрыть глаза, чтобы не отвлекаться. И там, под водой, ощущалось присутствие силы. Узмень-озеро смотрело на нее тысячами светлых бликов на мелких волнах, тянуло стебли водяной травы, чтобы к ней прикоснуться, и Дивляна осторожно попятилась. Это лишнее.

– Бережок-батюшка, водица-матушка! – заговорила она, как ее учили, наклонившись к воде и прислонив ладони ко рту. Коса все норовила упасть в воду, и Дивляна отбрасывала ее за спину – а то ведь утащат за косу! – К вам мое слово, вода чистая, пески желтые, камушки белые, к тебе, розоз, да одолень-трава, да камыш-трава! К тебе мое слово, Узмень-батюшка! Пришла я к тебе с поклоном низким от Волхова-отца, от Нево-озера, от Ильмерь-озера, откуда корень мой и кровь моя. Ты, Узмень-озеро, водяной хозяин, с женой твоей, с малыми детками и всеми родичами! Благослови нас путь держати, чистой воды взять, не для хитрости, не для корысти, а для блага да здоровья. Со мной чурь мои, со мной боги!

Произнося эти слова, она чувствовала, что сила озера накрывает ее с головой... и отпускает, отходит, оставляя ощущение благожелательности и даже уважения. Дивляна пустила по воде каравай и осторожно, чтобы зря не возмутить волны, бросила в воду оба шеляга. Она недешево заплатила за право сказать: со мной чурь и со мной боги. Но теперь, когда это была чистая правда, Узмень-озеро приняло ее и всех ее спутников, принесших поклон от могучего

Волхова, широкого и бурного Ильмеря, прощальный дар которого – сине-голубая стеклянная бусина-глазок – и сейчас висел у нее на шее. А не стой за ее спиной чурь и духи родной земли, не проводи ее благословением десятки предыдущих Дев Ильмеря, едва ли она выдержала бы все это, справилась бы с наследством зелейницы Кручинихи. Игрецы охотно съели бы и ее, и Ольгимонта.

Вращаясь, каравай плыл прочь от берега, подгоняемый легким ветерком. Задумавшись, Дивляна все смотрела на свое отражение в воде, и вдруг ей показалось, что оно какое-то слишком темное. Дивляна наклонилась ниже... Тень отражения, с другой стороны приблизившаяся к поверхности воды – тончайшей прозрачной пленке, разделяющей Ту и Эту Сторону, – вдруг сгустилась и потемнела. И Дивляна вздрогнула, беззвучно вскрикнула – из воды, с того места, где должно быть ее собственное отражение, на нее смотрело совершенно чужое лицо. Это тоже была женщина, и довольно молодая, лет на пять-семь старше Дивляны, но с непокрытой головой, и распущенные темные волосы окутывали ее, будто плащ. Черные брови, алые губы сразу привлекали внимание, но ярче всего были глаза – серые и блестящие, они смотрели прямо в сердце Дивляны, взгляд их пронзал насквозь, будто острый нож. А по сторонам ее виднелись две звериные морды – головы двух волков, почти прижавшихся к плечам женщины.

Стремясь скорее уйти от страшного видения, Дивляна подалась назад, упала, быстро оглянувшись, ожидая увидеть незнакомку и волков рядом с собой, вплотную, за плечом. Но не увидела никого – только пустой берег, траву и песок, ивы и кусты... И все — ни звука, ни движения. Дивляна снова взглянула на воду, но теперь увидела среди ряби лишь отражение своего собственного, испуганного и растерянного лица.

Заледенев от ужаса, Дивляна сидела, вцепившись в ветки куста. Может быть, ей померещилось, поскольку она все думала о том, что вот только недавно услышала от Ольгимонта? И Марена, Лунная Волчица, вовсе не смотрела на нее из воды?

Но все было тихо, и понемногу она пришла в себя. Уже тянуло дымом, слышался стук топора и треск ломаемых сучьев, долетал голос Велема – видно, брат приказал отрокам раскладывать костер, варить кашу. А остальные пошли назад – за следующей лодьей.

Белотур, когда она вышла из зарослей, сидел у костра – в простой серой рубахе из некрашеной грубой конопли, с влажными темными пятнами на спине и на плечах, с каплями пота на раскрасневшемся лице и растрепавшимися волосами. Несмотря на высокое положение, лодьи он толкал наравне с кметями, как, впрочем, и Велем, и незнакомец едва ли догадался бы, что именно этот мужчина – знатный полянский воевода и глава всей дружины. Вскоре подошел Велем, тоже уставший, но успевший омыться в озере – купаться уже было нельзя, срок летних купаний давно вышел, – и выглядел посвежее прочих.

– Сходи, Туряка, пусть тебе польют. – Он кивнул в сторону берега.

Дивляна села на бревно возле костра, зябко обхватив себя за плечи. Ей хотелось рассказать о своем видении, но чем ей помогут Велем, Белотур и прочие? Только встревожатся. Не назад же поворачивать!

Нет, погоди! Она закрыла лицо руками, потерла глаза, потом сжала голову, будто пытаясь силой заставить саму себя думать. Марена... Может быть, она недовольна появлением здесь Огнедевы... Но почему? У нее свои владения, у небесных богов свои. Чем ей мешает появление Огнедевы именно здесь, на волоках? Потому что здесь рубеж Той Стороны? Но это только для них, ладожан. Для того же Ольгимонта, наоборот, люди с Той Стороны – это они, Дивляна и Велем с братьями. А Кореничи и Синеличи, против того, убеждены, что живут в самой что ни есть середине мира. Скорее похоже на то, что силой Марены пытается воспользоваться кто-то, кому она, Огнедева, чем-то здесь мешает.

Да, но месяц назад даже сама Дивляна еще не знала, что сделается невестой князя Аскольда и поедет через эти места в Киев-город. И сюда попала почти случайно – не приди ей в голову тогда утром мысль дойти до жальника, не найди она спящих на кургане детей,

могла бы вовсе ничего не узнать о клюке Кручинихи, и не познакомилась бы с Ольгимонтом, который сейчас умирал бы в Новиленной избе, доедаемый игроцами. Уж не на него ли это зло направлено?

– Послушай, князь Ольг! – Дивляна огляделась, отыскивая его глазами. – А тебе или роду твоему никто зла не желает?

Пока она думала, дружина вокруг нее расселась на бревнах и принялась за еду: котел с кашей сняли с огня, Битень раскладывал большим черпаком кашу по мискам – сперва старшим, потом младшим. Отроки, нарезав на щите несколько караваев, обносили по кругу всех сидящих.

– Зла? – Ольгимонт обернулся. Не сказать, чтобы его сильно удивил этот вопрос. – Не надо быть чародеем, чтобы знать, кто желает мне зла. Князь кривичский Станислав Велебранович. Спит и видит, чтоб я на первом корне споткнулся и себе шею свернул.

– Да ведь и я давно хотел спросить: что у вас тут про Станилу Велебрановича слышно? – подхватил Белотур. – Как-то не до того было, а теперь едем к Двине – не объявлялся он за лето?

– А кто он такой?

– Станислав Велебранович – молодой князь кривичей, с Лучесы, – пояснил Дивляне Ольгимонт. – С моим отцом, Громолюдом, они в родстве. Тут кривичи живут, а дальше, на Днепре, – смоляне, племя моего отца. Рассказывают, они издалека пришли, с Дуная самого. И было всегда так, что смолянами свой князь правил, а кривичами свой. И сколько люди помнят, то смолянский князь пытался кривичей под себя взять, то кривичский – смолян. Через эти земли торговые пути проходят, богатства текут.

– И почему он желает тебе зла?

– Потому что его род и наш род уже давно воюет за эти места. – Ольгимонт показал вокруг. – За волоки.

– Еще лет пять назад война у них тут была, – добавил Белотур. – Не совсем здесь, а подальше на полудень, поближе к Днепру. Князь смолянский Громолюд у нас, у полян, у князя Аскольда подмоги просил. И дали мы ему подмогу. И я в поход ходил, и даже шурь мой, княжич Радимер.

– А, твоя ведь жена – из князей радимичских! – вспомнила Дивляна.

– Да, а это брат ее меньшей, Радим. Его тогда едва мечом опоясали, двенадцать или тринадцать сравнялось, мой Ратенья сейчас в таких же годах. Но ничего, не оплошал, бился хорошо. Отстояли мы смолянскую землю от Велебрана кривичского, да так, что и самого его в битве убили, войско их рассеяли. Громша кривичей данью обложил до самых полотеских пределов, до Лучесы – там уже Всесвят полотеский дань берет. У него Станила Велебранович только и укрылся – он князю Всесвяту сестрич.

– А сейчас мы на чьей земле? – обеспокоенно спросила Дивляна, еще не вполне разобравшись, где какой князь и чего от них ждать.

– Раньше эта земля Велебрану давала дань, а теперь дает Громолюду, – пояснил Белотур, вылавливая из своей каши упавшую травинку. – Да всю прошлую зиму, как я слышал, молодой князь Станила по весям разъезжал и себе требовал дани. Многие убоялись и дали – дружину ему вуй, князь Всесвят, сильную собрал. И говорил-де князь Станила, что и все земли, что прежде под рукой его отца были, он себе воротит. Князь Громолюд об этом знал и тоже повелел смолянам и кривичам в поход собираться. Я это все слышал весной, когда на полуночь ехал. А теперь что? – Он вопросительно посмотрел на Ольгимонта. – Или тебя на Ловать посылали врага на меже сторожить?

– Станила, видно, узнал, какое мы войско собрали, и еще раз хотел дело миром решить. Летом присылал людей сватать мою сестру... – Ольгимонт опустил глаза, но Дивляна заметила, что лицо его стало замкнутым и помрачнело.

– Ту самую? – Белотур недоверчиво поднял брови. – От Колпиты?

– Да. Он же еще пять лет назад к ней присватывался – едва дождался, видать, как она в возраст войдет. Ей тогда исполнилось двенадцать. А он рассудил, что если сил не хватит все земли смолян и кривичей на копье взять, то можно и по-другому своего добиться. Если Станила будет мужем моей сестры, а я вдруг умру, то он станет наследником всех владений моего отца.

– Но вы ему не отдали? – предположила Дивляна.

– Ее тогда же с княжичем Радимом обручили, – сказал Белотур и многозначительно взглянул на Ольгимонта. – Не думаете сестру жениху отдавать? Раз уж зашел у нас такой разговор...

– А как ее зовут? – Дивляна вспомнила слова игроков, которые клялись, что-де могут служить только одному хозяину из трех: княгине Колпите, ее сыну или ее дочери.

– Ольгица¹².

– Она самая! Мне про нее говорили...

– Кто говорил? – Белотур и Ольгимонт оба удивились, а князь смолян переменился в лице и подался ближе к Дивляне.

– Ну... говорили... одни... – Дивляна вдруг поняла, почему бабка Радогнева порой отвечала на вопросы так же уклончиво. Но эти двое смотрели на нее во все глаза и едва ли отвязались бы, поэтому она все же сказала: – Игрецы. Те самые, что в бабкиной клюке живут. Она, сестра твоя, уже взрослая? Ее обучали волхованию? А она не захочет бабкину клюку взять с жильцами вместе?

– Ее обучали волхованию! – выразительно заверил Белотур. – Два года назад ей пятнадцать лет сравнялось, пора было ее к жениху везти, князь Заберислав уже пива наварил, молодца женить собрался. А невесты нет как нет, и прислал князь Громша сказать, что по воле матери забрали девушку в лес к волхам, мудрости обучаться. Год обучалась, два обучалась... Радим ждет невесту, не дождется, а она никак из лесов не выйдет. Что же она-то не взяла бабкину клюку? Глядишь, не пришлось бы и тебе собой игроков кормить...

Ольгимонт выслушал все это с опущенными глазами и только потом, помолчав, снова посмотрел на Дивляну.

– Моя сестра... – медленно начал он. – Прости, воевода! – Он взглянул на Белотура. – Но мы... обманули твоего родича Заберислава и его сына Радима. Не по своей воле.

– Что? – Белотур в изумлении отставил миску и подался вперед. – Обманули? Что с ней? Где девка?

– Я не знаю! – с досадой и злобой отчеканил Ольгимонт. – И никто не знает! Мы собирались везти ее к жениху. Осенью, ко дню Рожаниц, в Числомерь-гору, как и было уговорено. – Белотур кивнул. – Но в купальскую ночь она пропала! Никто не видел и не знает, куда она делась. Мы искали ее везде! Мать спрашивала даже у Лесной Матери и Водяной Матери, но они сказали ей, что ее дочь найдет только солнце...

Он вдруг запнулся и посмотрел на Дивляну.

– Я уже думал об этом, – тихо закончил он. – Я уже думал: если Солнечная Дева пришла ко мне и спасла меня от игроков, может быть, она сумеет отыскать мою сестру?

– Что же вы молчали? – Белотур покрутил головой. – Да ведь эти двое, Заберислав и Радим, уже чуть ли не полки на вас собирают! Говорили мне, что если этой осенью не получат невесту, то пойдут ратью на вас! Они решили, что твой отец передумал, хочет разорвать обручение и отдать ее за Станилу! Что же вы не сказали?

– Нам... было стыдно сказать людям, что у нас украли дочь и сестру, а мы даже не знаем, где она. – Ольгимонт не поднимал глаз и досадливо мямл собственную шапку. – Уже два года

¹² Ольгица – от литовского Algita и к русско-варяжскому имени Ольга отношения не имеет.

не знаем. Но если... – он с надеждой посмотрел на Дивляну, – если Огнедева поможет нам ее вернуть, мы тут же отошлем ее к радимичским князьям.

– А вы уверены, что ее нет у Станилы? – уточнила она.

– Он бы всем объявил, если бы сумел захватить ее.

– Может, он приберегает ее до того дня, когда Громолюд умрет? – предположил Велем. – А он тут как тут – зять и наследник!

– Мы искали ее у кривичей и у Станилы. – Ольгимонт покачал головой. – Но как знать, если он где-то ее прячет... Так хорошо прячет, что никто не в силах найти. НЕ сумеешь ли ты...

Дивляна не ответила. Похоже, Ольгимонт теперь считает, что она всемогуща, как настоящая небесная Огнедева, и что ей достаточно лишь окинуть вселенную взглядом, как Солнцу из его небесного дома, и она сразу увидит все и всех, кто только есть на свете.

– Я подумаю, – мягко сказала она. – Постараюсь помочь, если смогу.

Остаток этого дня весь ушел на перетаскивание лодий. Ночевать устроились на берегу – для Дивляны опять раскинули шатер, выстелили пышными новыми овчинами, чтобы было потеплее и помягче. Обычно она мерзла по ночам – возле воды всегда кажется холоднее, хоть и укрывалась и медвединой, и вотолой сверху, и даже голову прятала под шерстяной свитой, которую носила по вечерам.

Но сегодня Дивляна не торопилась ложиться. Помощь Ольгимонту была ею обещана не просто для того, чтобы его утешить. Да, лишь сама небесная Огнедева может окинуть одним взглядом весь земной мир, но не напрасно Дивляна вынесла все эти передрыги в Меже. Теперь в ее распоряжении целых тринадцать духов-помощников, и зря она, что ли, каждый вечер кормит их молоком и хлебом?

В сумерках, забрав бабкину клюку, взяв остатки пирогов, которые им дали с собой в Меже, Дивляна отправилась в лес, велев никому за ней не ходить. Воеводы обменялись выразительными взглядами при виде клюки, но промолчали и не пытались ее задержать – видимо, поверили, что их Огнедеве под силу справиться с этим делом. В лесу она выбрала укромное место – в широком овраге, поросшем деревьями и папоротником, – раскрошила пироги, разбросала и позволила духам выйти, чтобы поесть.

– Есть у меня работа для вас, – объявила она, когда голодные вопли и визги поутихли.

– Мы не можем!

– Не можем!

– Только одна хозяйка!

– Один хозяин!

– Кровь Ольгимонта!

– Только ей служить!

– Зря я вас кормлю? – строго прикрикнула Дивляна. – Никто вам воли не давал. Вы же хотите получить хозяйку крови Ольгимонта-волхва?

– Хотим!

– Хотим!

– Тогда я приказываю вам: отправляйтесь и отыщите Ольгицу, дочь Колпиты, правнучку Ольгимонта-волхва! Но как найдете, ей на глаза не показывайтесь и не приближайтесь, а вернитесь ко мне и расскажите, где она живет. Тогда я ей передам вас по обычаю, и будете ей служить. Поняли?

– Поняли! Поняли! – заскулили духи, будто стая собак.

– Идите! Ищите и в Яви, и в Нави, где бы ни была!

Вот чем хорошо иметь в распоряжении игроков – в отличие от людей они найдут пропавшую девушку, даже если она давно мертва. И такой исход будет для ее родичей все же лучше

неизвестности: они смогут принести жертвы на ее могиле, а все желающие взять ее в жены будут знать, что им надо искать другую невесту.

Скорого возвращения своих посланцев Дивляна не ждала и потому отправилась спать. Еще по пути назад к стану она отметила, что чувствует себя как-то странно... Она переставляла одну ногу за другой, видела вокруг деревья, берег, все те же ивы, воду озера Узмень, но при этом ей казалось, что она находится вовсе не здесь... что движется гораздо быстрее, чем идет ее тело, причем не в одном, а во множестве разных направлений...

Дивляна остановилась, взявшись обеими руками за ствол березы и прислонившись к ней лбом, будто искала опору в пространстве. Стало чуть легче. Что же это получается? Какая-то часть ее души следовала за игроками, разосланными на поиски, оттого ей и кажется, что из ее головы тринадцать нитей протянулись во все стороны... и уносятся все дальше, дальше... Что с ней будет? Не растащат ли они ее на кусочки, не потеряют в лесах и болотах?

Она положила руку на мешочек с травой солонокресом, сосредоточилась и потихоньку потянула за эти ниточки. Почувствовала сопротивление, будто тащила рыбу из воды, и откуда-то издали донесся обиженный и негодующий вой. Видимо, пославший игроков на службу должен сохранять с ними связь, так полагается... Ах, как жаль, что не у кого ей спросить, как это должно быть! Некому научить ее! Была бы рядом бабка Радогнева! Но кто же мог знать, что ей придется управляться с духами-помощниками, да еще и чужими! Или не следовало с ними связываться?

Но колебаться было поздно. Вновь отпустив ниточки, Дивляна, стараясь сохранять обычный вид, дошла до своего шатра и улеглась под одеяла и шкуры. И... едва закрыв глаза...

Это был не сон. Это было не забытие, совсем наоборот. В этом сне оказалось гораздо больше жизни и движения, чем она могла даже вообразить наяву. Стоило ей опустить веки, как ее подхватил и понес мощный вихрь, причем — как она с трудом и не сразу сообразила — одновременно в несколько сторон. Перед глазами мелькали леса, луга, опустевшие пашни, села, соломенные крыши, опять леса, берега каких-то рек и озер. Было темно, но это ничуть не мешало ей отчетливо видеть каждую травинку. И люди, множество людей. В каждой из разбросанных по берегам рек и лесам избушек находились какие-то женщины: они спали, шили, вязали при лучине, баюкали детей... Юные девушки, молодые женщины, зрелые матери, седые старухи... Но ни одну из них не удавалось разглядеть — да что там разглядеть, хотя бы просто увидеть! Та часть Дивляны, которая совершала этот стремительный полет, лишь чуть касалась каждой из них, будто бросала беглый взгляд в душу и мчалась дальше. Дивляна не знала, как игроки определяют свою цель, — может быть, кровь древнего голядского волхва имеет для них какой-то особый запах, вкус? Она не успевала ничего осмыслить, не имела никакого средства определить, где находится — она или игроки, несущие ее над землей, — не знала, давно ли продолжается этот поиск и сколько еще осталось... Дух ее будто растекся над всем миром, а тело растворилось, потерялось где-то вдали, и она не верила, что сумеет к нему вернуться. Все происходило так быстро, что казалось, время вовсе не идет и в мире Яви длится все то же мгновение, когда она опустила голову на свернутую овчину и закрыла глаза...

А на самом деле время шло. Миновала ночь, рассвело, дружины пробудились, стали готовиться в путь, а Дивляна все не просыпалась. Сначала челядинки робко пробовали ее разбудить, но она не отзывалась. Потом Велем потормошил сестру, правда, не слишком настойчиво — и тоже безуспешно. В конце концов, когда все уже были готовы в дорогу, а Огнедева все спала, Белотур решил просто перенести ее в лодью и трогаться в путь. Таким образом, Дивляна не заметила, как покинула место стоянки и как лодья, пойдя по озеру, приблизилась к большому поселению, тоже носившему название Узмень. Здесь предстояло сделать остановку, и ее, все так же спящую, оставили в лодье, вытасенной на берег, под охраной Велемовой дружины.

Задержаться в Узмене пришлось, потому что здесь произошла неожиданная встреча. Еще издали было заметно, что перед селением — цепочкой изб, вытянувшихся над высоким бере-

гом вдоль оврага, – лежит слишком много больших лодий. Поначалу все подумали, что тут какие-то торговые гости. Но, увидев тех, кто торопливо собирался перед избами, Ольгимонт переменился в лице и отчаянно замахал Белотуру со своей лоды, чтобы тот правил к берегу.

– Это Жирга со своими людьми, я его знаю, – сказал молодой князь, как только лоды сблизились. Причем по лицу его было ясно, что приятным это знакомство не назовешь. – Он сын старой Норини. Их род из сторонней голяди – ну, какую еще «дикой голядью» называют. Они никому дани не давали, но пять лет назад воевали на стороне Велебрана. Тогда сам старейшина их, Тарвила, голову сложил и двое его сыновей. Один этот остался, Жирга. А правит родом его мать, Норинь. Упрямая бабка, будто из железа выкованная.

– Ворожея небось? – с неудовольствием предположил Белотур, вспомнив Кручиниху.

– Не так чтобы... Знает кое-что. Жиргу выходила, а он ведь тоже тогда чуть от ран не помер. Говорят, имя она ему поменяла и тем от велсов уберегла.

– А здесь он что делает?

– Не знаю. Но едва ли что для нас хорошее. Они у себя в лесах, среди сторонней голяди, большую силу имеют. Даже говорят, что волок от Ловати до Узменя в их старинные угодья входит и что только они имеют право на нем мыто брать. На волок мы их не пускаем, но и добраться до их гнездовий пока все недосуг было.

Скоро Белотур сам увидел, что такое «дикая голядь». Когда обе дружины, его и Ольгимонта, высадились из лодий и вышли к избам селения Узмень, там их уже ждали. Голядская дружина была велика – человек сорок, – но не настолько, чтобы напугать смолянского князя и полянского воеводу, имевших вместе почти вдвое больше. А вот попадись голяди навстречу один Ольгимонт – плохо бы ему пришлось.

Впереди стояли старейшины – человек пять, все с обритыми бородами и висячими усами, длинные волосы у всех были заплетены в две косы по сторонам лица. Шапки с округлым верхом были оторочены мехом только с трех сторон – по бокам и сзади, а спереди оставалось свободное место, украшенное узорами из бронзовой проволоки, спиралек и даже бубенчиков. Их льняные рубахи лишнее были покрашены в разные цвета и вышиты красными нитями, а около шеи украшены цветной плетеной тесьмой. На тканых поясах висели связки оберегов и бронзовых бубенчиков, мечи в кожаных ножнах, а за пояс у каждого было засунуто по паре увесистых дубинок.

– Вон Жирга. – Ольгимонт незаметно показал Белотуру на одного из них – мужчину лет тридцати с суровым и замкнутым лицом. Впрочем, замкнутым и чуть презрительным выражением все эти лица были схожи между собой, и Белотур вспомнил рассказы о том, что «дикая голядь» потому и зовется дикой, что общаться со словенами отказывается.

А потом Ольгимонт вышел вперед, положил одну руку на пояс, а другую на рукоять меча и спросил:

– Кто вы такие и что здесь делаете? – Будто и не рассказывал только что Белотуру все то, что могло служить ответом на эти вопросы.

Он обратился к голяди на ее собственном языке, так что Белотур почти ничего не понял, но сам догадался, о чем идет речь.

– Я – Жиргас, сын Тарвиласа, а со мной мои родичи, – надменно отозвался голядский воевода. – А кто ты такой?

Белотур не сомневался, что эти люди знают Ольгимонта не хуже, чем он знает их, тем не менее сын княгини Колпиты назвал свое имя, перечислил своих спутников, умолчав только о Дивляне, и снова спросил:

– Что вы здесь делаете? Что заставило вас покинуть свои угодья?

– Мы не покидаем свои угодья, находясь в этих местах. Мои предки владели этими землями еще тогда, когда здесь не было ни одного кривса¹³, и ты об этом знаешь.

– А ты знаешь, что времена сильно изменились. Теперь все эти земли принадлежат моему отцу, князю Громолюду. И те, кто находится на его землях, должны признавать его власть. Уж не затем ли вы здесь появились, чтобы поднести дары моему отцу?

– Мы готовы предложить союз твоему отцу, как ты называешь князя кривсов. Хотя все у нас помнят, что твоим отцом на самом деле был знатный муж по имени Минтарас, сын Скиргайлы.

– Уж не хочешь ли ты сказать, что я забыл свой род? – Ольгимонт, побледнев, сделал шаг вперед и сжал рукоять меча.

Белотур с беспокойством переводил взгляд с одного собеседника на другого: он не понимал, о чем они говорят, но видел, что дружбой в их речах и не пахнет.

– Я хочу лишь сказать, что ты мог бы рассчитывать на положение лучше, чем быть сыном князя кривсов! – язвительно ответил один из старейшин рядом с Жиргой. – Ты мог бы править своим народом, как твой отец, твой дед и прадед! Но если ты предпочитаешь служить кривсам и одного из них звать своим отцом, то мы можем предложить тебе отвезти ему наши слова.

– Не думаю, что он очень ждет этого дара! – гневно ответил Ольгимонт. – Он ждет от вас заверений в том, что вы признаете его власть и готовы давать ему дань.

– Мы никогда не платили дани кривсам и не будем платить! – с ненавистью ответил Жирга. – Но мы готовы предложить Громолюду дружбу равных. А ему это очень нужно теперь, когда князь Станислав собирается напасть на него. Когда начнется эта война, князю Громолюду будут очень нужны мечи верных людей. Мы готовы принять в битве его сторону, но при условии, что он признает наши права на всю эту землю до верховий Ловати. Мы не будем давать ему дани, но мы поможем ему войском. А нам под силу выставить не так уж мало хорошо вооруженных мужчин.

– Я уже не раз слышал о том, что вы пытаетесь сами брать дань с тех людей, кто обязан данью моему отцу. – Ольгимонта не слишком прельстило это предложение. – И потому я очень рад, что вы наконец-то вышли из своих лесных логовищ и я встретился с вами лицом к лицу! Так вот, послушайте теперь то, что я вам скажу. Вы клянетесь вашими богами, Перконсом и Лаймой, Марой и Велсом, что признаете власть моего отца над вами и вашими потомками. Вы даете моему отцу дань такую же, как другие голядские и кривичские роды. А также в войне с сыном Велебрана вы отдаете ваши мечи нам. Это единственные условия, на которых между нами может быть мир!

– Ты глупый безродный щенок, забывший свой род! – закричали сразу несколько старейшин, в гневе перебивая друг друга. – Старый князь кривсов убил твоего отца, отдал твою мать в наложницы своему сыну, ты вырос среди его собак, подбирая объедки, и теперь служишь ему, как пес!

– Как ты смеешь предлагать нам такие позорные условия! Ты уже ощутил на себе нашу силу, когда чуть не умер в Меже, одержимый духами, а теперь хочешь владеть нами!

– Как ты думаешь заставить нас, ты, раб и сын рабыни! Твоя мать перебивалась под всеми кривсами Громолюдова рода...

– Как я думаю вас заставить! – во весь голос заорал Ольгимонт, выхватывая меч. – Я убью вас, ублюдки, а ваших жен и детей раздам в рабы своим людям! Бей гадов!

Он взмахнул мечом, и его дружина бросилась на голядский строй. Большинство кривичей так или иначе понимали по-голядски, но даже поляне Белотура, не знавшие ни одного слова, уже по голосам и лицам вождей видели, что вот-вот в ход будет пущено острое железо.

– Перконс! – кричала голядь.

¹³ Кривсы – славяне.

– Перун с нами! – вопили кривичи и поляне.

Будто град, мечи застучали по щитам, иногда железо с лязгом встречалось с железом, и один за другим стали раздаваться крики, в которых слышались боль и предсмертный ужас...

Именно эти звуки разбудили Дивляну, хотя ее оставили спать в лодье на порядочном расстоянии от селения и места битвы. Звон железа, треск щитов, ломающихся под ударами мечей и топоров, людские вопли вливались ей в уши с такой силой и ясностью, будто все это происходило прямо над ее головой, и она резко села, лихорадочно оглядываясь, ожидая увидеть сражение, кипящее прямо вокруг нее.

И шум тут же стих, отдалился и совсем пропал – теперь она слышала только возбужденные голоса своих братьев и прочих ладожан из Велемовой дружины, которые, столпившись на небольшом пригорке, наблюдали за чем-то в отдалении.

Дивляна вертела головой, ничего не понимая. Где она находится, как сюда попала, что происходит... и кто она вообще такая? Перед глазами у нее еще мчался вихрь из лесных просторов, водной глади каких-то рек и озер, в памяти жили смутные ощущения... запаха множества человеческих душ, не подберешь другого слова. И где она теперь – почему лежит в лодье на песке? Дивляна не помнила, где и как заснула, – казалось, это было сто лет назад.

Она попыталась встать, но голова закружилась, и пришлось переждать, вцепившись в борт. Потом девушка наконец выбралась из лодьи и еще постояла, пока не почувствовала, что достаточно твердо держится на ногах. Перед глазами ясно было, теперь она уже отчетливо различала незнакомую местность, в которую перенеслась во время сна. И не удивлялась: ведь всю ночь духи мчали ее неведомо куда, скорее было бы странно очнуться на прежнем месте. Если бы не вид Велема и братьев вокруг него, Дивляна могла бы испугаться, что во сне ее забросило в неведомые места, даже в Навный мир, откуда ей не выбраться никогда.

Оправив волосы и одежду, Дивляна побрела к пригорку. Мужчины были так увлечены зрелищем, что не заметили ее, пока она, растолкав братьев, не вцепилась в рукав Велема и не подергала.

– Где мы? И где Белотур? Что происходит?

– Проснулась наконец! – Велем бегло оглянулся. – А мы уж боялись, ты теперь так и будешь спать, пока тебя князь Аскольд поцелуем не разбудит, как в кошуне!

– И долго я спала?

– Да с вечера. Мы в дорогу собрались, тебя в лодью перенесли, ты не шелохнулась.

– А! – У Дивляны polegало на душе, когда она убедилась, что проспала меньше суток. – Скажешь тоже – как в кошуне! Ты с похмелья дольше спишь... Ой, мать Макошь!

Наконец ей удалось выглянуть между плечами рослых братьев, и она увидела то, на что они смотрели.

Собственно говоря, братья несколько расступились и повернулись друг к другу, потому что смотреть было уже почти не на что. Битва закончилась, остатки голядской рати бежали и исчезли в лесу, а на лугу, перед избами селения Узмень, остались только тела убитых и раненых, поломанные щиты и разбросанное оружие. Ладожане даже не считали нужным вмешиваться, поскольку видели, что числом вражеская рать уступает дружинам Ольгимонта и Белотура почти вдвое.

– Пойти выяснить, из-за чего драка-то вышла! – Велем обернулся: – Селяня, Гребень, пойдемте. А вы при лодьях оставайтесь, позовем, если что.

Но хотя в остающихся он наверняка числил и Дивляну, она пошла вместе со старшими братьями. В конце концов, она Огнедева и имеет право знать, что происходит! Велем, обернувшись по пути с пригорка и увидев ее рядом, по упрямому выражению лица сестры понял: она останется только в том случае, если ее привяжут к дереву, – и то будет кричать. Поэтому просто махнул рукой.

Ольгимонт и Белотур, когда ладожане приблизились к полю битвы, уже ходили тут, разглядывая убитых, которых кмети поднимали и раскладывали рядком.

– Этого не знаю... – бормотал Ольгимонт, то и дело вытирая капающую из носа кровь. Вышитый рукав был порван и безнадежно испорчен, но более сильных повреждений на нем не имелось. – Этот вроде Дарминтас... или брат его Догайла, я их плохо различаю. Этого тоже не знаю... Откуда повылезли эти шишиги, из какой... – Он умолк, вдруг увидев Дивляну.

– Зато самый главный откричался. – Белотур, улыбнувшись Дивляне и приветственно кивнув, показал на тело Жирги. На рубахе предводителя, на груди расплывалось огромное темно-красное пятно, хорошо заметное на желтой ткани. – Это ты его?

– Это Сушина – топором. Ну, Сушина, все с него теперь твое и семья его твоя! – Ольгимонт, еще дрожащий от возбуждения, бледный, с раздувающимися ноздрями, словно впитывал запах крови, хлопнул своего кмета по плечу. – Смотри, меч у него неплохой, и пояс знат...

Он запнулся, не окончив, и застыл, наклонившись над телом Жирги. Дивляна, которая топталась поодаль, закрыв нос рукавом, чтобы не вдыхать вонь, стоявшую над полем битвы, и отворачиваясь, чтобы не видеть изрубленных тел и выпущенных внутренностей, мельком глянула на него и заметила, как Ольгимонт изменился в лице, будто увидел нечто необычное. Тогда она все же решилась подойти – внимательно глядя под ноги и тщательно выбирая, куда ступить, чтобы ни во что не вляпаться, и заодно стараясь видеть вокруг поменьше. Не так давно, прошедшей весной, она уже дважды наблюдала последствия сражений словенов с русью Игволода Кабана, но сегодня все это вызывало в ней еще более сильное отвращение. Она с трудом подавляла рвотные позывы и, если бы не жгучее любопытство, давно бы убежала отсюда подальше.

– Не место тебе здесь, Огнедева! – Ольгимонт поднял на нее глаза, и вид у него был потрясенный. – На этом поле Мара хозяйка, и все это – ее добыча ныне... Уйди отсюда.

– Кто этот человек? Из-за чего вы сражались? Что случилось?

– Оплошал Жирга! – заметил Сушина. – На волок вышел за добычей, да сам на ловца наскочил! Не чаял он нас тут повстречать, вот и дружины мало взял. Зато нам удача – одним махом сколько родов обезглавили! Теперь и Норинь старая, и другие дикие голядцы постоворчивее будут.

– Пойти бы сейчас их и накрыть – пока не ждут.

– Накрыть – оно хорошо, да найдем ли? Без проводника и до Норини, раганы¹⁴ старой, не доберемся. Хитрая старуха, далеко в леса забралась. Там и земли негодные, а все равно сидит, как лешачиха, лишь бы людей не видеть.

– Найдем и проводников. У нас пленные есть, раненые. Многие выживут, даст Макошь.

Ольгимонт все это время молчал, разглядывая тело Жирги. Потом наконец поднял глаза и посмотрел на Сушину:

– Послушай... Он теперь твой, но... отдай мне его пояс, хорошо?

Сушина с удивлением глянул на тело и пожал плечами: пояс был, конечно, яркий и нарядный, сотканный из нитей трех разных цветов, с красивым узором, но все же такие ткнут все девки и бабы и особой ценности эти пояса не представляют. Вот если бы кожаный был, да с серебряными бляшками, как у варягов или козар, – тогда было бы понятно, на что польстился.

– Да забирай! Неужели мне для князя такой малости жалко? Только зачем тебе чужой пояс с чужими узорами?

– Да я бы не сказал...

– Что?

– Ничего... – с застывшим лицом отозвался Ольгимонт. – Мерещится что-то...

¹⁴ Рагана – ведьма.

Сушина уже снял с мертвеца пояс и передал князю. Ольгимонт тут же стал его сворачивать, но Дивляна мельком заметила узоры и знаки: хорошо знакомый ей знак Огнедевы, знак Мер-горы, под которой та живет зимой, Перуна – или Перконса по-здешнему, изображенный в виде двухголового орла... Вид священных знаков и порядок их сочетания несколько отличался от того, к которому она привыкла дома, но все же содержание сотканного из разноцветных нитей рассказа легко прочитывалось. В самом деле – ничего особенного. Но Ольгимонт все смотрел то на пояс в своей руке, то на нее, и вид у него был потрясенный.

– Это ты... – начал было он.

– Что?

– Я просил, и ты... Да?

– О чем ты? – Дивляна нахмурилась.

Но молодой смолянский князь покачал головой и отошел.

Глава 5

Весь день в стане, раскинутом перед селением, но с другой стороны от поля битвы, не утихали споры воевод и кметей. Кое-кто из пленных рассказал, что Жирга с дружиной шел как раз в Межу, и в этом ничего нового не было: сами межане говорили, что еще в прошлом году старая Норинь пыталась взять с них дань, но помешал вовремя подошедший князь Громолюд. Правда, теперь Жирга почему-то твердо рассчитывал на успех. Отроки из его рода мало что знали, но были уверены, что Жирге помогает колдовская сила. Упоминали даже мертвую бабу Кручиниху. По их словам, старая Норинь сумела как-то заручиться милостью самой богини Мары и с ее помощью собиралась подчинить себе упрямую Межу.

– Выходит, все это связано! – воскликнула Дивляна, услышав об этом. Она думала об этих делах постоянно и потому сообразила, что к чему, быстрее мужчин. – Ведь бабка Кручиниха не сама вдруг умерла – кто-то наслал на нее порчу. Кто-то управлял ее игрецами и заставил их требовать жертв и мучить Ольгимонта. А Жирга и его мать, получается, знали об этом! Стало быть, они как-то в этом деле участвуют... Эта старуха Норинь – наверное, она сама ведунья и это она наслала порчу на Кручиниху! – Дивлян у осенило. – И снарядила туда своего сына с дружиной, и он бы пообещал старейшинам Межи, что снимет порчу и оставит в покое их детей, если они станут давать ему дань.

– А Ольгимонт? – Велем недоверчиво посмотрел на нее, но спорить пока не стал.

– А Ольгимонт... – Дивляна нашла взглядом молодого князя, смотревшего на нее так, будто она и есть богиня Лайма, госпожа судьбы. – Тебе лучше знать, что они с тобой могли сделать. Скорее всего, к себе увезти и в залоге держать, чтобы твой отец признал за ними этот волок... ну, и чего они там еще хотели.

– Не дали бы мы им так просто нашего князя забрать! – возмутился Сушина.

– Хорошо, пусть не дали бы. Им и не надо. Пока им владели игрецы, а управляла ими Норинь, он и так в их руках. Они грозили бы уморить его совсем или обещали бы освободить, если князь Громолюд выполнит все, чего они хотят.

– Вот это да! – пробормотал Ольгимонт, не споря, что примерно так все и могло быть. – Жаль, мертв Жирга. Спросил бы я у него... И где он такой пояс достал, тоже спросил бы...

– Да что тебе этот пояс дался? На каждом вокруг такой пояс!

– Не на каждом...

Но пояс был не главным в этом деле. Важнее было решить, как теперь поступить. Старая Норинь лишилась последнего сына, но у нее подрастали внуки – дети старших ее сыновей, погибших пять лет назад. Да и других знатных людей из сторонней голяди сегодня полегло немало. Просто уехать, оставив за спиной множество родов, жаждущих мести, было бы крайне неумно, особенно сейчас, когда князь Громолюд готовился биться с молодым князем Станилой. Не надо глядеть в воду, чтобы понять, на чью сторону встанут родичи погибших.

В конце концов решили еще немного задержаться и попробовать помириться: предложить родичам возвращение тел и небольшой выкуп за смерть Жирги и других знатных людей. Обычный выкуп Ольгимонт отказался платить, потому что-де застал Жиргу со товарищи на своей земле, куда они явились разбойничать. Норинь наверняка скажет о нем то же самое, но Ольгимонт уперся и отказался отступать. Поэтому Велем и Белотур, обсуждая это все между собой, сошлись, что едва ли примирение получится. Все зависело от того, насколько слаба сейчас Норинь и захочет ли она использовать примирение хотя бы как передышку, пока внуки подрастут. Но что творится у нее в лесах и какими силами она располагает, не знал ни Ольгимонт, ни старейшины Узменя. Знали только то, что Жирга, пока был здесь, держался чересчур уверенно и давал понять, что ему-де никакие князья не страшны.

– А если не примут твой выкуп? – спросил Белотур.

– Придется идти туда, – сказал Ольгимонт. – У нас дружина хорошая, а они пока с силами не собрались... Надо гнезда их разорить, чтобы больше удара оттуда не ждать.

Из пленных выбрали несколько наиболее толковых и отправили к Норини с новостями и предложениями. Теперь предстояло ждать ответа.

Опять ждать! И Белотур, и Велем были недовольны задержкой, но понимали, что Ольгимонт прав: это дело лучше довести до конца, чем ожидать на всем пути удара в спину.

Тем временем стемнело. Для Дивляны уже приготовили место в избе, но, прежде чем лечь, ей надо было повидаться со своими игроками.

Она знала, где их искать. Как ни противно ей это было, пришлось вернуться на поле битвы. Тела отсюда уже убрали и сложили в стороне, но все же тут еще можно было наткнуться на пару отрубленных пальцев или часть внутренностей, поэтому Дивляна, морщась, шла с осторожностью, выбирая, куда поставить ногу.

Найдя место почище, она остановилась и подняла бабкину клюку.

– Где вы, слуги Ольгимонта-волхва, слуги Ольгимонтова рода! – позвала она. – Здесь ли вы?

– Мы здесь! – послышалось в ответ урчание, ворчание, перемежаемое чавканьем, от которого Дивляну замутило. Даже она чувствовала исходящий от травы запах крови и вонь, а духи просто упивались этим неожиданным пиршеством.

– Кто здесь?

– Я – Беглевец!

– Я – Земляница!

– Я – Нырец!

– Я – Хоростец!

– А где остальные?

– Ищут!

– Не вернулись!

– Не успели!

– Хорошо. Вы нашли ее?

– Нет.

– Мы все обыскали!

– Все обнюхали!

– Все обшарили!

– Ее нет!

– Крови Ольгимонта нет!

– А хорошо ли вы искали? – Дивляна нахмурилась.

– Хорошо!

– За лесами темными!

– За реками быстрыми!

– За озерами чистыми!

– За лугами широкими!

– Идите спать! – Дивляна взмахнула клюкой.

Холодные струйки воздуха скользнули мимо ее руки и втянулись в клюку. И она пошла в селение, все еще хмурясь. Четверо уже вернулись и ничего не нашли – надо ждать остальных.

Но и следующий день ее не порадовал. Утром она снова позвала, и на ее зов откликнулись еще двое: Змиица и Воронец. Эти двое злились, что опоздали к кровавому угощению, но вернулись ни с чем. День прошел без новостей – если не считать, что народ со всей округи собирался послушать рассказы о битве и посмотреть на мертвые тела голядских старейшин, – и вечером вернулись еще двое: Турица и Ужевник. К следующему вечеру Дивляна дождалась тоже двоих – Пухлеца и Мокреца. Последние трое где-то бродили. Дивляна много спала днем,

продолжая следить за перемещениями духов, – теперь те носились медленнее, иногда она даже успевала рассмотреть тех людей, которых касались ее посланцы. Но она не имела понятия, как выглядит дочь Колпиты. Она спросила об этом у Ольгимонта, и тот сказал, что его сестра – красивая девушка и похожа на него. За два года неизвестности она могла измениться, но никого похожего на Ольгимонта, во всяком случае, Дивляна в этих ночных странствиях не встречала.

На четвертый день явились Горелец и Пырец. Разговаривая с ними, Дивляна просто слышала, как они пыхтят от усталости. Запах крови с поля битвы уже совершенно выветрился, и она снова подкармливала своих помощников молоком и хлебом. Вся надежда оставалась на последнего посланца. Дивляна знала от бабки Радогневой, что духи не всезнающи и не всемогущи – они как люди, просто могут путешествовать быстрее и дальше, но знают только то, что видели и слышали. В Навном мире никто из них не нашел Ольгицу – это внушало надежду, что она жива. Но и в Явном мире никто ее не нашел. Однако где-то ведь она должна быть! Остается одно: она так хорошо спрятана, что через эту защиту не под силу пробиться даже духам. Дивляна уже поняла, что в помощниках у бабки Кручинихи ходили не самые могучие жители Навного мира: не волки и не медведи, а так, лисы да хорьки. И снова ей в голову приходили мысли о том, что им противостоит неведомый могучий враг. Кто это? Старуха Норинь? Богиня Марена...

Жутко было думать об этом, но Дивляне снова и снова вспоминалось лицо, увиденное в воде озера Узмень – сияющие серые глаза женщины, двое волков возле ее плеч... Она даже отказалась спать в избе, чтобы не оставаться одной среди чужих, и снова перебралась в шатер посреди стана – в плотном окружении дружины, среди которой человек двадцать состояли с ней в кровном родстве, было все же легче.

Утром на пятый день Дивляна напрасно звала – последний из запропавших духов, Былец, не отзывался. Зато там же, возле оврага, где она кормила свое дикое стадо, ее нашел князь Ольгимонт. Близко подходить он не стал, но, когда девушка закончила и карабкалась по склону вверх, опираясь на бабкину клюку, он появился на гребне и протянул руку, помогая ей подняться.

– Ну что? – Ольгимонт вопросительно взглянул ей в лицо. Он знал, что Дивляна разослала духов на поиски его сестры, и каждый день спрашивал, нет ли новостей.

– Один еще не вернулся. Может быть, он что-то разузнает.

– А если я дам тебе ее вещь – это поможет?

– У тебя есть ее вещь? Да, это помогает, особенно если из серебра или золота. Постой, но ведь наверняка твоя мать уже пробовала искать ее через воду и серебро?

– Пробовала. Но... – Ольгимонт явно хотел что-то сказать, но то ли не решался, то ли сомневался. – Или так... Если у тебя будут две вещи, ты сможешь понять, касалась ли их одна и та же рука?

– Князь Олыг! – Дивляна прислонилась спиной к березе и в душе горько пожалела о тех временах, когда была просто средней дочерью ладожского воеводы Домагостя и никто не спрашивал с нее работы сложнее, чем шитье собственного приданого. – Я стала Огнедовой совсем недавно. Только перед Перуновым днем прошедшим летом. Я еще не умею понимать того, что люди думают, но не говорят. Если ты хочешь о чем-то спросить – спрашивай, но не жди, что я пойму то, чего ты сам, кажется, не понимаешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.